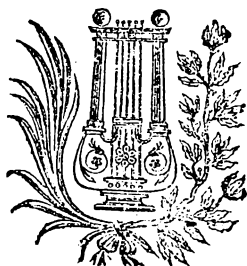

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЕНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи В. Плавильщикова

1820.

Печаташь позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Генваря 6 дня, 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Тилковской.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I.	Исторія и Политика.	
	О постепенномъ образованіи гражданскихъ обществъ	1
II.	Воспитаніе.	
	Взглядъ на Исторію воспитанія	24
	Правила и методы Франковой школы	32
	— — — — — Филантропической школы	39
	— — — — — Гуманистовъ	44
III.	Нравы.	
	Письмо къ издателю	50
IV.	Литтература.	
	а) Изящная проза. Карпины Андрея дель Сарпо	59
	б) Стихотворенія. Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія	85
	Романсъ	95
	Доридъ	96
	Къ моему Генію	—
	Брату при отъѣздѣ въ армію	98
	Элегія	99
	Басни: Лисица и Оселъ	100
	Мармышка и Лисица	102
	Эпиграммы — —	103
V.	Критика.	
	О кришикъ вообще	104
VI.	Изящныя искусства.	
	Поучительная для художниковъ жизнь Леонарда да Винчи, главы Флорентинской школы	113
VII.	Смѣсь.	
	Жизнь Шиллера	128

II

	страниц.
Разныя извѣстія	140
Анекдотъ	149
Отборныя мысли	150
VIII. Политическія новости	151
Увѣдомленіе объ изданіи сего журнала	158

I. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Исслѣдовать начало и возвышеніе обществъ — значить наблюдать постепенные успѣхи разума. Прежде нежели гражданскія учрежденія, утвердивъ безопасность и благосостояніе, возвратили человѣчеству права его, оно помылось чрезъ долгое время подъ бременемъ невѣжества, спрасей и предразсудковъ. Порядку предшествовали неуспѣхъ и междоусобія, разуму — заблужденія. Обратимъ вниманіе наше на сей переходъ отъ жизни дикой къ гражданскому благоустройству, вникнемъ въ *начало и постепенное образованіе обществъ*.

Естественное состояніе людей, скрывается во мракѣ отдаленныхъ временъ. Стихотворцы описываютъ его какъ царство свободы, проспошы и невинности. Они изображаютъ намъ людей, составляющими одно общество мудрыхъ, которые, будучи совершенно щасливы, не знали ни заботъ, ни печалей, ни угнѣшенія. Напротивъ того спроте наблюдатели чловѣчества предспавляютъ его природное

соспояніе въ подобіи съ чепвероногими живошными. Сіи сполько унижаютъ его, сколько первые возвышаютъ до совершенства ангеловъ.

Разсмапривая напуру челоѡвка, мы видимъ, что онъ происходитъ въ свѣтъ съ проякимъ родомъ способностей. Однѣ *физическія*, копорыя дѣйспвуютъ и независящимъ оупъ воли нашей образомъ; другія *умственныя*, коихъ предметъ — разсмапривать вещи и изобрѣшать правила для жизни; наконецъ претія *нравственныя*. Всѣ сіи способности, имѣя стремленіе къ предметамъ, копорыя производятъ въ насъ впечатлѣнія, необходимо должны были обнаруживаться и въ природномъ соспояніи челоѡвка. Это возвышало его предъ всѣми прочими видимыми нами ивореніями, копорыя руководспвуются только врожденными побужденіями. Но онъ еще далеко былъ оупъ того совершенства, ко его въ послѣдствіи достигъ въ гражданской жизни.

Лишивъ челоѡвка всѣхъ тѣхъ пособій, копорыя доставляютъ ему искусства, въ продолженіе многихъ вѣковъ изобрѣшенныя въ общеспвенной жизни, мы видимъ въ немъ тѣлосложеніе гораздо совершеннѣе

прочихъ животноныхъ : во всѣхъ членахъ спорогая соразмѣрность; онъ крѣпокъ; никакое дѣйствіе сначала не могло измѣнить въ немъ природу, копорая обнаруживалась въ гордомъ видѣ, раждаемомъ дикою независимостію. Она дѣлала его безпечнымъ; одно только сохраненіе самаго себя занимало всѣ его усилія. Опъ того способностями и чувствва, посредствомъ коихъ онъ снискивалъ себѣ пищу и удовлетворялъ своимъ побужденіямъ, дѣлались въ немъ гораздо совершеннѣе шѣхъ органовъ, копорые изощряются избыточествомъ и роскошью: осязаніе и вкусъ должны быть въ немъ грубыми, а зрѣніе, обоняніе и слухъ чрезвычайно тонкими.

Что касается до ощущеній и склонностей, то онѣ образовались въ дикомъ по мѣрѣ, какъ онъ получалъ понятія о предметахъ, копорые, ударяя на его чувства, возбуждали въ душѣ удовольствіе или скорбь. Сіи прошивныя одно другому чувствованія производили въ немъ стремленія къ шѣмъ предметамъ, копорые раждали пріятность, и отвращеніе опъ всего, что бываетъ причиною неудовольствія. Первые побужденія его образовались чувственностію: всѣ удовольствія дикаго состояли въ томъ, чтобы отвра-

пишь голодъ , уполишь жажду , сыскапшь мѣсто для своего успокоенія ; а зло , копорого онъ спрашился , происходило отъ болѣзней и голода . Воображеніе не увеличивало предъ его глазами пріятностей , сердце ничего не требовало , шакъ какъ всѣ понятія и намѣренія его заключались погда въ самыхъ шѣсныхъ предѣлахъ . Ибо онѣ обращались только на его нужды , копорыя , будучи въ естествѣ своемъ очень просты , могли бытъ легко имъ удовлетворяемы : плоды ближайшаго дерева , подъ шѣнію копорого онъ находилъ одръ свой , и вода прозрачнаго источника были доспащочны ему для исполненія требозаній природы , побуждавшей его думать только о наспоящемъ .

Съ такими свойспвами натура производитъ человекъ , и оное соспояніе его должно бытъ общимъ всѣмъ народамъ , копорые пользуются дикою свободою . Они живутъ въ лѣсахъ , пещерахъ и исполняютъ одни лишь естеспвенныя побужденія . Такъ Иродотъ и Діодоръ Сицилійскій описываютъ древнихъ Пелазговъ и Элиновъ , а жители Новой Голландіи и многихъ острововъ Воспочнаго и Южнаго океана , и шеперь предспавляютъ пому разительный примѣръ . Главныя пошребности жизни за-

нимають всѣ усилія сихъ грубыхъ народовъ. Высокое и прекрасное въ природѣ и искусствахъ не поражаетъ ихъ чувствъ. Разумъ ихъ такъ слабъ, что не можешь дѣлать ни какихъ почти сравненій и производить отдѣльныя понятія о правильности и соразмѣрности, равно какъ и сердце не способно имѣть чувствованій удивленія и пріятнаго воспорага. Они бродятъ толпами, или разсѣянно, по лѣсамъ безъ союзовъ, войны и всякаго желанія вредить другъ другу. Не многія спраши ихъ пики, умѣренны и свойственны пому состоянію невѣжества, которое дѣлаетъ ихъ довольными собою.

Сіе, прежде всеобщее, состояніе дикости и безпечности людей въ продолженіе времени, съ умноженіемъ человеческого рода, начало перемѣняться, способности ихъ безпрестанно развивались, и съ ними вмѣстѣ родились многія открытія: каждой почти шагъ былъ ознаменованъ новымъ познаніемъ вещей и возбуждалъ безпрестанно любопытство наблюдать напуру, и опыты свои принаровливать къ выгодамъ жизни. Различіе въ качествахъ и положеніи земель, перемѣны годовыхъ временъ принудили ихъ перемѣнить и образъ занятій. Безплодные мѣста, холодъ зимы, жаръ

лѣта прѣбывали отъ нихъ различной дѣятельности. Отъ сего при моряхъ и рѣкахъ живущіе выдумали средства ловить рыбу, которая стала составлять ихъ пищу, а бродящіе въ лѣсахъ изобрѣли орудія, служащія къ звѣриной ловлѣ, и въ хладныхъ странахъ одѣвались кожами звѣрей, ими убитыхъ; громъ, огнедышущая гора, или шреніе сухаго дерева объ дерево дали людямъ случай узнать огонь. Нужды научили ихъ сохранятьъ и употреблять сію ссихію.

При разпространеніи сихъ и многихъ другихъ познаній между людьми, увеличивались и нужды ихъ: запасъ жизненныхъ продовольствій сдѣлался необходимымъ, и какъ тогда оной долженъ былъ состоять болѣе въ скотѣ, но это послужило причиною, что люди, когда многія животнои стали ручными, сдѣлались *пастухами*, переходили съ одного мѣста на другое, гдѣ луга болѣе изобильны для паствы стада. Таковы были времена Папріарховъ, первоначальныя упражненія Халдеевъ, Аравіянъ и многихъ другихъ народовъ, которые въ продолженіе сего рода жизни сдѣлали многія важныя открытія въ природѣ, и нѣмъ приблизились къ состоянію общества.

Чемъ болѣе разсмаприваемъ переходъ младенческаго человѣческаго рода къ важнѣйшимъ открытіямъ, тѣмъ болѣе онъ удивляетъ вниманіе наблюдателя. Сколько надобно было усилій, чшобъ люди могли свободно другъ другу объяснять свои мысли? Какого труда стоило узнать все то, что потребно къ обработыванію земли, дабы получить изъ нѣдръ ея себѣ пропитаніе? Изобрѣшеніемъ сихъ споль необходимыхъ для удобности жизни искусствъ, мы должны бытъ обязаны долговременнымъ опытамъ.

Они поспепенно выводили человека изъ мрака невѣжества и заславили его сбросить съ себя ту недѣятельность, копорая, опягчая его, не доставляла ему никакихъ удовольствій. — Когда нужды открыли ему все, что служитъ къ его самохраненію, то съ тѣмъ вмѣстѣ онъ узналъ и необходимость сообщенія съ другими, особливо при нападеніи и защитѣ отъ звѣрей. Это соединеніе людей сначала не требовало еще опредѣленныхъ знаковъ языка; невнятные звуки голоса, подражательные предметамъ и произведеннымъ ими впечатлѣніямъ, различныя перемѣны въ лицѣ, движеніе головы и маханіе руками составляли чрезъ долгое время

общій языкъ. — Сіе хопи еще несовершенное средство — сообщать другъ другу свои мысли и желанія — повело людей къ дальнѣйшему образованію. — Они начали думать о удобностяхъ жизни. Переменны воздуха заставили ихъ дѣлать изъ древесныхъ вѣтвей шалаши, которые послѣ получили видъ хижинъ, и въ сіе по время вѣроятно произошло начало семействъ; а постоянный союзъ между мужемъ и женою, умягчивъ грубость, далъ чувствовать прелесть сердечной привязанности и узъ родства. Польза и привычка соединяла семейства еще тѣснѣйшимъ союзомъ: дѣти строили свои хижины подлѣ родительскихъ, и цѣлое поколеніе людей, связанныхъ узами природы и нужды, избирало одно мѣстопробываніе.

Исторія представляетъ намъ, что люди чрезъ долгое время жили *поколеніями*. Симъ, Хамъ и Яфетъ почитаются послѣ поппа первыми родоначальниками, отъ коихъ произошли различные народы, раздѣлившіеся на поколенія, и сіе раздѣленіе продолжалось даже въ по время, какъ сославились уже обществу. Очевиднымъ примѣромъ пому служатъ Евреи, которые состояли изъ двѣнадцати колѣвъ; равнымъ образомъ и Персы, по повѣствованію

ванію Ксенофонта, имѣли ихъ такое же число. Греки назывались по своимъ родоначальникамъ Еллинами, Ираклидами, Папананами, Эгидами и проч. Въ самыхъ городахъ, въ позднѣйшія времена, были таковыя раздѣленія, какъ - по въ Аѳинахъ, коихъ жители состояли изъ десяти колѣнъ. — Въ Индіи и многихъ другихъ странахъ Азіи, Африки, Америки и нынѣ еще продолжается сіе раздѣленіе народовъ на поколенія, изъ коихъ почти каждое имѣетъ особый родъ жизни.

Сіи поколенія въ древности представляли ничто иное, какъ *малыя общества*. Сначала ни одинъ человекъ изъ таковаго общества, не думалъ самъ покоряться, ни заставлялъ повиноваться себѣ другихъ; потому что не имѣлъ нужды въ услугахъ другаго, и едва ли могъ представить себѣ, что его кровопролитіемъ можетъ сдѣлать пользу другимъ; да и желанія людей сначала не могли далеко простирались; ибо не имѣли предметовъ для своего побужденія, и всѣ ихъ занятія состояли или въ зѣлоросствѣ, или въ паствѣ стадъ.

Прежде, когда человекъ не вступалъ еще въ семейственную жизнь, онъ думалъ объ себѣ, теперь онъ сталъ въ сообществѣ; съ другими, и для взаимной пользы соеди-

нилъ свои силы съ ихъ силами: супруга, дѣти, — все требовало его помощи и должно было усугубить дѣятельность; она, соединясь съ случайностию, повела его ко многимъ изобрѣшеніямъ, догадкамъ — распространенію познанія.

Съ раскрытіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей и умноженіемъ народонаселенія, каждый изъ членовъ поколенія сталъ думать о *собственности*. Люди, руководимые себялюбіемъ и нуждами, начали другъ другу говорить: эпо мое, — эпо давно занято мною. А потому по необходимости раздѣлили поля, стада и все то, что могло составлять имущество; со введеніемъ же собственности, трудолюбіе и изобрѣятельность получили еще большее приращеніе: всякой началъ стараться, какъ бы доставить своему семейству выгоды жизни. Безплодные годы, продолжительное время зимы — требовали, чтобы былъ достаточный запасъ продовольствія. Источникъ къ оному вѣроятно скоро открылся, когда люди, привыкшіе наблюдать дѣйствія природы, стали подражать ей съяніемъ сѣмянъ. Эпо, будучи сопряжено со многими опытами, научило людей въ извѣстное время года вскапывать землю, сѣять и послѣ соби-

раны плоды, — довело до изобрѣпенія земледѣлія, которое еще гораздо болѣе усовершилось съ открытіемъ употребленія металловъ, и вѣроятно было причиною раздѣла земли, дабы каждой пользовался плодами трудовъ своихъ.

Съ сего-по времени, — когда положено основаніе важнѣйшимъ открытіямъ въ природѣ, и люди, по изобрѣтенію земледѣлія, начали запасаться собственностію, — надобно положить начало общественной жизни: древніе Цереру, покровительницу жатвы, почивали и богинею законодательства.

Въ первомъ своемъ началѣ общественная жизнь не имѣла никакихъ особенныхъ постановленій, власти и порядка. Когда люди, связанные взаимными нуждами, могли имъ удовлетворять, тогда ссоры случались вѣроятно рѣдко, а ежели и были, то рѣшались старѣйшинами семействъ. Но со введеніемъ собственности брошено яблоко раздора: тогда людьми начали управлять спраси, которыя родили вражды между различными поколеніями и въ самыхъ семействахъ; ибо люди, увеличивъ свои нужды, и находя трудности въ ихъ удовлетвореніи, сдѣлались зависливыми, неукротимыми въ гнѣвѣ, и

спали употреблять по силу, по хипросп, дабы удовлетворить наклонности къ пріобрѣтенію имущества: не было никакой внѣшней силы, удерживающей ихъ отъ несправедливыхъ присвоеній и хищничества, которое по склонности необразованныхъ къ празднои жизни, сдѣлалось главнейшимъ способомъ къ пріобрѣтенію. Это производило страхъ въ слабѣйшихъ поколѣніяхъ, которыхъ члены безпрестанно находились въ опасности потерять свою собственностъ и самую жизнь. Почему они должны были присоединяться къ сильнѣйшимъ, чшобъ вмѣстѣ съ ними нападать на другихъ, или отражать силу силою.

По распространеніи народонаселенія грабежи вѣроятно сдѣлались еще чаще: ибо удовлетворять нуждамъ спало гораздо затруднительнѣе. Отъ сего же недоставка въ продовольствіи многіе принуждены были отдѣляться отъ усилившагося въ одномъ мѣстѣ общества, и переходить въ страны болѣе изобильныя. Занятіе ихъ пакже, по всей вѣроятности, раждало споры, войны, которые истощая однихъ, покоряли ихъ другимъ. Самое увеличеніе и сила раждали зависп, въ различныхъ обществахъ,

и онѣ для своего сохраненія должны были нападать или защищаться.

И такъ, вмѣстѣ съ *произхожденіемъ обществъ*, началось *бранное состояніе* людей: оно ничего не показываетъ кромѣ насильства сильныхъ и угнѣшенія слабыхъ; великой народъ, почувствовавъ свое могущество, нападалъ на другаго, и старался воспользоваться его выгодами. И сіе состояніе войны не могло иначе получить перемѣны, какъ уже по распространіи гражданственности, когда люди чувствовали удовольствія пихой жизни. Тогда-то установились обычаи, правила разума сдѣлались охраняемы наружною силою, — произошло *утрежденіе обществъ*.

Оно получило начало съ *произхожденіемъ властей*. Состояніе войны пребывало начальства, и когда набѣги сдѣлались главнымъ упражненіемъ людей, то ничто не могло пріобрѣсти себѣ сколько уваженія, какъ крѣпость плѣсныхъ органовъ. И попому начальство тогда вѣроятно зависѣло *отъ силы*. Исторія свидѣтельствуетъ, что Нимродъ получилъ оное за свое мужество и искусство въ звероловствѣ. Это заставляетъ насъ догадываться, что какъ онъ, такъ и всѣ начальники народовъ, сначала не имѣли иного права, кромѣ

своей храбрости, и не зная властолюбія, были болѣе поварищи въ пѣхъ набѣгахъ, которые тогда часто дѣлались на сосѣднія общества, дабы воспользоваться предметами обладанія или опмешить за причиненныя обиды.

Послѣ того, съ продолженіемъ времени, сообразно успѣхамъ познаній, *справедливость* и *разумъ* начали пріобрѣтать себѣ уваженіе. Новыя открытія возбуждали всеобщее вниманіе: люди не могли не почитать того, кто научалъ ихъ искусствамъ, копорыя, умножая довольство, служили къ выгодамъ жизни. Таковъ былъ славящійся изобрѣшеніемъ земледѣлія Озирисъ, копорой, какъ повѣствуютъ преданія, былъ первымъ Царемъ Египтянъ; равнымъ образомъ переселенцы изъ образованныхъ обществъ, Кадмъ, Кекропсъ, Данай, — копорые собрали разсѣянныхъ народовъ Греціи, вывели ихъ изъ грубаго невѣжества, и вдохнули сладостное чувство общежитія, — почитающся тамъ первыми владыками. Они, распространивъ искусства, старались удержатъ дерзость нарушителей порядка, и превратили дикихъ въ гражданъ кропкихъ и миролюбивыхъ.

Порядокъ, спокойствіе и безопасность, копорыя производили отъ уваженія по-

средннчества начальниковъ, прїучали народъ сносить ихъ возвышенїе. Онъ принужденъ былъ повиноваться самою *необходимостію и собственными чувствами*; но при всемъ томъ верховная власть, основанная уже на обычаяхъ, вѣроятно не могла не встрѣчать препяпствїей въ господствованїи надъ грубыми людьми. Общая польза и благополучїе тогда еще слабо дѣйствовали на умы, какъ напрошивъ гордость и самолюбіе ихъ, при видѣ надъ собою начальства, безпресанно раздражались и были причиною безпорядковъ и неповиновенїя. И потому Испорїя представляеть намъ первыхъ Царей крошкнми и умѣренными: народъ старался удерживать ихъ власть, и соспоиїе его мало опличалось опъ естественной вольности.

Она по невѣжеству должна была родить смяшенїя, въ кошорыхъ всякой лишался спокойствїя: составлявшїяся парпїи вѣроятно старались одна надъ другою господствовать; опъ чего происходили междоусобныя войны, истреблявшїя цѣлыя народы; самыя частныя вражды рѣшала одна сила.

И такъ, чѣтобъ умягчить нравы, отвратить пороки, нужны были удобнѣшїя

средства, которыя бы имѣли начало въ нашурѣ челоука; власнымъ должно было принаравливатся къ его расположенію, дабы воля ихъ имѣла существенную силу. Имъ должно было смотрѣть на направленіе спрасшей: — *самолюбію и гордости* надобно было прошивупоставить *страхъ*, — поселивъ любовь къ народному благу, и тѣмъ распросстранить въ обществѣ спокойствіе.

Заблужденія разума, — копорой, удалившись отъ источника истины, предался влеченію чувствъ, — подали къ сему удобный случай: съ развитіемъ способностей *красоты* естественна спали живо поражаютъ людей, копорые, плѣняясь ими, чувствовали наслажденія. Онѣ иногда прерывались: собирались тучи, молнія разсѣкала небо, громаы раздробляли древа, океанъ выходилъ изъ своихъ предѣловъ. Такія грозныя явленія природы раждали въ оощушеніяхъ людей *страхъ и ужасъ*. Разумъ и воображеніе ихъ не могли постигнуть сихъ переменъ, не представивъ себѣ особливаго рода *живыхъ существъ*, копорыя производятъ по съ намѣреніемъ. Они почли ихъ спрашными *божествами*, какъ напрошивъ солнце и звѣзды благодѣтельными, копорымъ и спали приносишь мольбы въ надеждѣ испол-

ненія своихъ желаній. Они воображали ихъ подобными начальникамъ, копорымъ покорность ихъ прїятна. Напропивъ того несчастія приписывали гнѣву сихъ боговъ, копорый являютъ они въ громахъ, попорясающихъ атмосферу: они почиали ихъ карапелями за преслушенія.

И попомоу, чпобъ привесилъ сїи идеи въ исполненіе и прїучилъ грубой народъ къ повиновенію, правители спарались распроспранить почтеніе къ симъ мнимымъ богамъ; ибо они были въ необходимости согласоваться съ склонностями людей, говоришь разсудку чувствивенными изображеніями, плѣнили фантазію чудесами и увеселили взоры привлекательными и забавными обрдами. „Зрѣлища, пляски;— „говоришь Спратонъ, — сманили людей съ „высопы горъ, изваекли ихъ изъ глубо- „кихъ пещеръ, поселили въ долинахъ; а „шупъ удержали ихъ басни эмблемы, изо- „браженія гнѣва боговъ. Одиѣ только гро- „мовыя спрѣлы, презубцы, эгиды и змѣи „могли произвесъ успѣхъ, желанный ос- „новашелями общеспвъ.“ И въ самомъ дѣлѣ кажешся, чпо сїе было одною изъ главныхъ причинъ укрощенія буиспва и безпорядковъ. Намъ извѣстно, чпо Егип-

пепскіе Цари, дабы поселить въ народѣ покорность, скрывались отъ глазъ онаго въ Лабиринѣ дворца своего, и показывали себя не иначе, какъ во всемъ величествѣ, возвышенномъ небеснымъ произхожденіемъ. Тамъ все было чудо, таинство, іероглифъ; и жрецы, облеченные властію боговъ, голосомъ неба всегда увѣщавали народъ быти покорнымъ властямъ. Основатели царствъ Греціи упоиребляли пѣже средства для умягченія нравовъ дикихъ ея народовъ: Кекропсъ, положивъ начало обществу въ Аппикѣ успановленіемъ брака, прежде всего внушилъ Аѣинянамъ имя спрашнаго Юпипера; Кадмъ воздвигъ жерпвенники въ Фивахъ, а Орфей, при самомъ началѣ общежитія въ Греціи, училъ ея народы обрядамъ и образу богослуженія. Тоже сдѣлалъ и Нума Помпильй съ Римлянами. Въ древности повсюду возвышались храмы; — пещеры, лѣса, горы наполнены были оракулами, гдѣ раздавались спрашные споны и завыванія жриць сидящихъ на преножникахъ; — вездѣ курились ѣиміамы, закалались жерпвы, жрецы являлись всегда въ грозномъ видѣ. Хитросць ихъ наложила цѣпи на умы не образованнаго народа, котораго суевѣріе не имѣло никакихъ предѣловъ. —

Съ распространеніемъ гражданствен-
ности и улучшеніемъ *искусствъ* спрахъ
пересталъ производить столь сильное влія-
ніе. — Тогда началъ дѣйствовать раз-
судокъ; корпораго боязнь не могла совер-
шенно подчинить своимъ законамъ. И по-
тому она замѣнена была пріятными впе-
чатлѣніями: — восторгъ при восхваленіи
боговъ произнесъ первую пѣснь; — роди-
лась Поезія, звуки арфъ раздались по воз-
духу, безобразной камень превратился въ
прекрасную статую, а простая хижина
въ великолѣпной храмъ. Сіе-то *огарова-
ніе*, рожденное искусствами, умягчило еще
болѣе нравы людей, поспоровило обычаи,
и привело ихъ къ исполненію положи-
тельныхъ законовъ — гражданскому благо-
устройству. —

Трисметистъ явленъ въ Египтѣ, Буд-
дасъ въ Индіи, Зороастръ въ Халдеи,
Фозъ въ Китаѣ, — и полагаютъ основаніе
успавамъ народнымъ. Съ утвержденіемъ
владыгества законовъ возвышающія цар-
ства; все получаетъ новую жизнь и дѣя-
тельность: промышленность быстро рас-
пространяется; происходятъ различныя
состоянія; — монархій устроются на твер-
дыхъ началахъ. При правленіи Теоократи-
ческомъ жрецы всюду составляютъ первый

классъ, потомъ воины, земледѣльцы, производящіе разные промыслы, и наконецъ рабы — народъ пѣнный.

Такимъ образомъ безпреспанно возрасали въ своемъ могуществѣ Египецъ, Индія, Ассирія, Персія, — сіи гиганты древняго міра. Въ какой силѣ и славѣ представляешь намъ Испорія первое изъ сихъ царствъ! Обширные города, чудесные каналы, пирамиды, власть царей утвержденная на прочномъ основаніи, граждане раздѣленные на касты, жрецы доспигшіе высокихъ познаній въ Астрономіи и другихъ опшеченныхъ наукахъ, Сенатъ — хранитель законовъ и справедливости, судъ надъ умершими, — все носило на себѣ печать необыкновенной силы и мудрости, не смотря на то, что нравственность проснаго народа поддерживалась суевѣріемъ, предрасудками и невѣжествомъ. Онъ сѣбно повиновался преданіямъ, и былъ щасливъ. Но въкъ блеска и славы Египца былъ не продолжителенъ. Являются цари слабые, вкрадывающіе народы и обычаи чужеземные, поприсаеися Религія, законоположеніе — и палъ Египецъ. Ассирія, Вавилонъ и Мидія имѣли ту же участь. Возвышаеися Персія, на развалинахъ другихъ царствъ созидаетея ея могущество.

Побѣды Кира, мудрость правленія, благо-
 разумное воспитаніе юношества, особливо
 наслѣдниковъ престола, — все дѣлало Пер-
 сію сильною и страшною для окрестныхъ
 народовъ. Но огромныя ея чашки скоро
 распадаются; Сатрапы присвояютъ себѣ
 верховную власть, война съ Греками, —
 народомъ свободнымъ, — наноситъ сему го-
 сударству жестокій ударъ, роскошь ослаб-
 ляетъ послѣднія его силы, и штридцать ты-
 сячъ воиновъ подъ предводительствомъ Ма-
 кедонскаго царя Александра разбиваютъ
 милліоны Персовъ, громятъ ихъ Имперію,
 покоряютъ ее и многія другія страны,
 испощенныя подъ бременемъ долговремен-
 наго деспотизма. Опважный побѣдитель
 умираетъ, и всѣ обширныя его завоева-
 нія полководцы раздѣляютъ между собою.
 Образуются государства новыя, которыя
 при самомъ началѣ своемъ ослабляются меж-
 доусобіями, занимаютъ разными народами;
 — и потомъ весь Воспокъ переѣняетъ видъ
 свой. Эпо производитъ Магомешъ. Ни
 одинъ человекъ не шворилъ до того столь
 быстраго и важнаго переворота, какъ
 сія гроза народовъ. Преемники его слѣду-
 ютъ опъ побѣды къ побѣдѣ, опъ низло-
 женія одного царства къ покоренію дру-
 гаго; религія, нравы, обычаи, духъ и спре-

мленіе іѣхъ государствъ, — все измѣняется; испреблются оспашки просвѣщенія, (*) и шьма невѣжества покрываетъ сіи справы, покоренныя силою оружія и религій, основанной на призракахъ воображенія. Такъ сильно дѣйствуетъ *фанатизмъ*! Но произведя одинъ разъ перемѣну онъ оспавиль іѣ народы на одинакой степени. И потому нынѣ ни Египеть, ни Персія, ни другія справы Востока не представляютъ къ описанію важныхъ политическихъ перевороповъ, сильной борьбы справей и разительныхъ успѣховъ въ отношеніи ума нравственности и гражданского устройства. Новая Испорія ихъ есть сѣпленіе коварства, хитростей, немногихъ славныхъ воинскихъ дѣяній и пиранства. Гдѣ же болѣе разливалось просвѣщеніе? Въ какихъ справахъ открывался разительнѣе *возвышеніе теловѣчества*? Гдѣ среди бурь политическихъ, спора пагубнаго своеволія съ деспотизмомъ, раждались постановленія на благоразуміи основанныя? Это въ древней Греціи, Римѣ и во многихъ новыхъ Государствахъ Европы. Из-

(* Между послѣдователями Магомета одни Срацины, не смотря на запрещеніе Алкорана, не переспавали упражняться въ наукахъ. Имъ Европа много обязана началомъ своего образованія.

слѣдовать причины ихъ благоденствія и упадка, изобразить перевороты, измѣнившіе лице царствъ, показать различіе между господствомъ языческаго, Магометанства и *истинной религіи*, которой Европа обязана своимъ возвышеніемъ, описать въ разныхъ времена и у разныхъ народовъ состояніе *правленія, законодательства, наукъ и искусствъ* — вопъ шѣ предметы, на которые особенно будетъ обращено вниманіе въ Невскомъ Зрипелѣ.

Сниткинъ.

II. ВОСПИТАНІЕ.

Взглядъ на Исторію воспитанія,

Происхожденіе педагогическихъ правилъ и учебныхъ заведеній скрывается во мракѣ опдаленной древности. Съ возвышеніемъ образованія народовъ открывались мало по малу новыя средства къ улучшенію воспитанія. Греки, а по слѣдамъ ихъ Римляне были и въ семь случаѣ учителями — позднѣйшихъ педагоговъ. Творенія Платона, Ксенофонта, Аристошеля, Плутарха и Квинтилиана много способствовали къ развитію началъ свободнаго воспитанія. Важнѣйшія послѣдствія для онаго имѣло *распространеніе Христіанской Вѣры*; ибо она, научая уважать въ чловѣкѣ чловѣчество, возбуждаетъ чрезъ по всеобщее участіе въ образованіи всѣхъ соспояній, и сама печется о насавленіи народа. Но только чрезъ продолженіе многихъ вѣковъ сіи сѣмена могли распустишься и принести плоды!

Въ первыхъ вѣкахъ Христіанства все воспитаніе ограничивалось изученіемъ Катехизиса и Богословіи. (Вышняя школа въ Александріи для образованія христіанскихъ учителей).

Попеченіямъ *Карла Великаго* должно приписатьъ учрежденіе учебныхъ заведеній въ монастыряхъ, резиденціяхъ *Епископовъ* и приходахъ. Оныя продолжались, при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, до принадлежащаго столѣтія. Учебные предметы состояли въ семи свободныхъ искусствахъ, по извѣстному списку:

Gramm(atica) loquitur; Dia(lectica) vera docet;

Rhe(torica) verba colorat;

Mus(ica) canit; Ar(ithmetica) numerat; Geo(me-
tria) ponderat; As(tronomia) colit astra.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи преподаваніе наукъ и дисциплина клонялся къ совершенному упадку. (Смранспованія учениковъ. Чрезвычайно худыя школьныя книги. Дороговизна хорошихъ пиюмень. Метода диктованія).

Въ концѣ сего же вѣка появились Уни-
верситеты, которые сначала имѣли вред-
ное вліяніе на прочія учебныя заведенія
Тѣмъ благопворнѣ дѣйствуешь въ пят-
надцатомъ столѣтіи *возрожденіе наукъ*
въ Италіи. Повсюду возбуждается любовь
къ древней словесности; индѣ образуются
хорошіе учителя. Но школьное состояніе
чрезвычайно угнѣшается бѣдностію и гор-
дымъ презрѣніемъ ошъ вышнихъ сословій,
(Ученныя женщины.)

Реформація, дѣятельность многихъ просвѣщенныхъ умовъ, (Эразма, Рейхлина, Лютера, Меланхтона), и изобрѣшеніе *книгопечатанія* имѣли отличное вліяніе на исправленіе Педагогики, однако много еще оставалось отъ монашескаго воспитанія, не только въ Капюлическихъ, но и въ Протестантскихъ земляхъ.

Въ Римской церкви основаніе Езуитскаго ордена (въ 1521 году) сдѣлало эпоху и въ воспитаніи. Вездѣ учреждающіяся Езуитскія Коллегіи, какъ учебныя и воспитательныя заведенія, которыя заключали въ себѣ много особеннаго, безспорно и много хорошаго, какъ на прим: во Франціи. Поэтому-то онѣ были приманчивы и для самыхъ Протестантовъ, которые посылали своихъ дѣтей въ *Convictoria alumnorum*, соединенныя съ Коллегіями.

Амосъ Коменіусъ, (род. 1592, ум. 1671.) Богословъ и учитель въ Моравіи и Польшѣ, возбудилъ во всѣхъ странахъ Европы великое вниманіе своими сочиненіями, *Janua linguarum*, *Дидактикою* и *Orbis pictus*, изъ коихъ послѣднее было принято въ тогдашнее время за всеобщую начальную книгу для ученія.

Съ осмнадцатымъ вѣкомъ начинается достопримѣчательнѣйшій періодъ въ Ис-

порѣи Педагогикѣ. Никогда столько не думали, не говорили, не писали о воспитаніи и учебныхъ заведенійхъ, какъ въ продолженіе сего столѣтія. Предпріятія сѣдовали за предпріятіями; реформа за реформой. Ни одна страна Европы не представляетъ намъ въ семъ отношеніи столько любопытнаго зрѣлища, какъ Германія (Школы: Франка, Филантроповъ, Гуманистовъ. Объ ихъ правилахъ и мѣтодахъ см. ниже.) Первоначальнымъ къ тому поводомъ были *Локковы мысли о воспитаніи*, (the Thoughts on Education), изданныя еще въ 1694 году. Онѣ хотя не произвели всеобщаго энтузіазма, однако дѣйствуя на умы, какъ напоминанія спокойнаго, свободно мыслящаго философа, много способствовали къ послѣдующей реформѣ воспитанія.

Появился *Эмиль* (1762), — метеоръ, который могъ ослѣпить и ввести въ заблужденіе, но купно озарить цѣлые регіоны, куда рѣдко проникаетъ взоръ обыкновенныхъ людей. При всѣхъ натяжкахъ, химерахъ, односторонностяхъ и къ злоупотребленію столь близкихъ правиламъ, — какое глубокое познаніе дѣтской натурѣ! Какая практическая философія и числалъ нравственность! Какимъ побѣдоноснымъ

краснорѣчїемъ поражены закоренѣлыя предразсудки и погрѣшности воспитанїя ! Ни одно пиворенїе изъ прежней педагогической липпературы не производило на современниковъ такого влїянїя , какъ сія книга пламеннаго *Ж. Ж. Руссо*.

Увлеченный генїемъ Женевскаго философа *Базедовъ* предпринялъ отважное , но благородное намѣренїе — бытъ реформаторомъ воспитанїя не только въ своемъ опечествѣ , Германїи, — но , если можно , и въ цѣлой Европѣ. Основанная имъ школа получила названїе филантропической. Многїя знаменитыя особы , отличныя ученые и лучшіе журналы погдашняго времени приняли участїе въ столь важномъ дѣлѣ. Но излишняя поспѣшность въ исполненїи плана , Базедова непоспоянство въ дружбѣ и разрывъ съ его помощниками ; несправедливое униженїе древней липпературы , множество введенныхъ въ воспитанїе игрушекъ и бездѣлокъ , маловажный успѣхъ , произведенный новою методою въ первыхъ питомцахъ , наконецъ сильныя опроверженїя оной со стороны другихъ школъ , особенно Гуманистовъ , были причиною , что обширное предирїятїе разрушилось почти при самомъ его началѣ ,

произведя впрочемъ многія хорошія сѣд-
спнія для будущаго времени.

Базедовъ пребылъ до конца своей жи-
зни дѣятельнымъ для пользы юношества.
Самые враги загладили дань справедливо-
сти великимъ его заслугамъ. Ему прина-
длежитъ честь — возбудить въ памяти
споль многими забытый предметъ вос-
питанія, оцъ соспоянія котораго зави-
ситъ судьба народовъ. Онъ далъ почув-
спвованъ правилельспвамъ, что они, какъ
для собственнаго блага, такъ и для блага
гражданъ, обязаны покровительспвованъ,
облегчать и поощрять общепользные тру-
ды члспныхъ людей.

Филантропическая школа много содѣй-
спвовала къ распространенію теоріи и
практики воспитанія. Доказательспвомъ
тому служатъ классическія шворенія *Трап-
па, Зальцмана, Гутсмута* (возобновише-
ля Гимнаспики), *Штуве*, и особенно *Кам-
пе*; также вновь основанныя учебныя за-
веденія, изъ которыхъ Шнепфенспальское
по 1807 годъ принадлежало къ самымъ
цѣлспущимъ во всей Европѣ.

Между школами *Филантроповъ* и *Гу-
манистовъ* можно поставить какъ бы сре-
диною *Эклектиковъ*, положившихъ себѣ за
правило: *все изслѣдывать и удерживать*

самое лучшее. Трудамъ ихъ обязана Европа спрогою повѣркою всѣхъ прежде принятыхъ основаній и методовъ воспитанія. (См. педагогическія сочиненія *Резевица, Нилейера, Шварца, Вагнера, Гербарта Жанъ-Поля.*)

Въ концѣ осьмнадцатаго столѣтія Швейцарецъ *Песталоци* обнародовалъ свою систему воспитанія, кою оригинальность возбудила вниманіе во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ Европы. Основать ученіе на чувственномъ и духовномъ созерцаніи; образовать дитя человекомъ посредствомъ самодѣятельнаго, полного упражненія всѣхъ его силъ въ разныхъ познаніяхъ, слѣдующихъ одно за другимъ въ естественномъ порядкѣ, — вошъ отличительный характеръ Песталоціевой методы. Она сдѣлалась предметомъ важныхъ сношеній и споровъ между педагогами, и хотя нѣкоторые изъ нихъ сильно ее опровергали; однако необыкновенные успѣхи оной доказали справедливость идей Песталоція. По образцу воспитательнаго его инспитупа (въ Ивердонѣ) заложены подобныя заведенія во многихъ столицахъ Европы; и даже въ Сѣверной Америкѣ.

Еще не созрѣло предпріятіе Песталоція; но одно уже по, что онъ исполнилъ;

заслуживаетъ благодарность современниковъ и память потомства.

Съ наступленіемъ девятнадцатаго столѣтія открылись самыя благопріятныя виды для воспитанія. Многія Европейскія Правительства обратили на сей предметъ особенныя попеченія. Учрежденія министерствъ народнаго просвѣщенія, умноженіе учебныхъ заведеній, усовершенствованіе методы въ преподаваніи наукъ, *введеніе Ланкастерскихъ школъ* для образованія нижнихъ сослояній, но всего болѣе *распространеніе Слова Божія* (чрезъ Библейскія общества) — вошь сѣмяна, отъ копорыхъ можно надѣяться обильной жатвы для блага человечества.

Чтобы лучше познакомить нашихъ читателей съ духомъ Педагогика осмнадцатаго столѣтія, мы предлагаемъ здѣсь вкратцѣ правила и методы воспитанія трехъ знаменитѣйшихъ Германскихъ школъ: Пѣписповъ (Франковой), Филанпроповъ и Гуманисповъ.

ПРАВИЛА И МЕТОДЫ ФРАНКОВОЙ ШКОЛЫ (*).

Цѣль воспитанія есть живое познаніе Бога и праведное Хрисціанство. Чрезъ это единственно распространяется между людьми починаніе Бога. Истинно благочестивый человекъ есть лучший гражданинъ общества. Безъ настоящаго благочестія все знаніе, вся мудрость, все мірское

(*) Августъ Германъ Франкъ, родившійся въ 1663 году въ Любекѣ, принадлежитъ къ славнѣйшимъ мужамъ въ Исторіи Педагогике. Онъ живо чувствовалъ всѣ недостатки тогдашняго воспитанія, и къ исправленію оныхъ починалъ единымъ средствомъ — образованіе хорошихъ учителей и педагоговъ. Онъ самъ будучи пасторомъ въ Глаухѣ (близъ Галле) началъ преподавать Капехизисъ дѣтямъ бѣдныхъ своихъ прихожанъ, и по окончаніи ученія давалъ имъ милостыню. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ, и мало по малу распространялъ свои благотворенія. Число учащихся подѣ его руководствомъ сирыхъ и бѣдныхъ дѣтей возрастало ежедневно. Многіе благомыслящіе люди обратили на это вниманіе, и начали вспомошествовать ему въ добромъ намѣреніи присылкою денегъ. Съ того времени попеченіями Франка учреждены были многія учебныя и воспитательныя заведенія, которыхъ главою почетно должно славный Сиротскій домъ въ Галлѣ, процвѣтающій и по нынѣ. Франкъ кончилъ благотворительную свою жизнь въ 1727 году. Онъ основалъ особенную школу воспитанія, которая по немъ получила названіе Франковой, также и школы *Піэтистосъ*.

образованіе болѣ вредны, нежели полезны, и никогда не можно бытъ безопасну опъ ихъ злоупотребленія.

Хотя одно дѣля не такъ испорчено, канъ другое, — что происходитъ опъ лучшаго или худшаго воспитанія и примѣра; — однако всѣ носятъ въ себѣ сѣмя порока; и попому должно прилагать преимущественное снраніе объ основательномъ исправленіи сердца.

Все, что посредственно или непосредственно прошиводѣйствуетъ сей послѣдней цѣли, или препятствуетъ къ достиженію оной, должно бытъ изгнано изъ воспитанія. Сюда принадлежатъ не только упущенія заблаговременнаго наставленія въ Христіанскомъ законѣ, но и пѣ забавы, копорыя вредны для ума и нравственности.

Благочестіе украшаетъ чловѣка во всѣхъ званіяхъ и положеніяхъ, въ какія онъ только войши можетъ. Оно не исключаетъ благоразумія въ обращеніи. Но благоразуміе должно бытъ всегда подчинено Богоугожденію. И попому надлежитъ преподавать юношескву благонравіе, не воспитывая ихъ къ придворному пону, учить ихъ приспойному держанію пѣла, не дѣлая изъ нихъ танцмейстеровъ. Въ

воспитаніи богатыхъ юношей должно заранѣе смотрѣть на будущее ихъ назначеніе — жить въ большомъ свѣтѣ, путешествовать, имѣть связи съ приверженцами другихъ сектъ религіи и пр.

Юношество имѣетъ нужду въ удовольствіяхъ и отдыхѣ (рекреаціи). Они найдутъ ихъ частію въ публичныхъ движеніяхъ, частію въ пріятныхъ и вмѣстѣ полезныхъ, особенно механическихъ упражненіяхъ, частію же въ разсматриваніи новыхъ и занимательныхъ предметовъ природы и искусства.

При ученіи должно имѣть въ виду состояніе и будущее назначеніе воспитанниковъ. Но основательное познаніе Бога и своихъ обязанностей для всякаго необходимо. И потому оно даже въ народныхъ школахъ должно быть основаніемъ и главнымъ урокомъ.

Въ наставленіи пѣхъ, которые предопредѣлены къ мѣщанскимъ руководствѣмъ, хотя послѣ Закона Божія главные познанія суть чтеніе, письмо и вычисленіе, но и начала другихъ познаній, какъ по: Естественной Исторіи, Географіи, Исторіи человѣческаго рода, учрежденія земской полиціи не должны быть въ пренебреженіи; впрочемъ преподавать ихъ болѣе

мимоходомъ, нежели *ex professo*, и при томъ спарашься все, что только можно, приспособляя къ понятіямъ дѣшеи.

Для студеновъ древніе языки суть главный предметъ. Латинскому языку должно учить всего болѣе и даже съ самаго начала грамматически, но при томъ спарашься заранѣе упражнять разговорами въ классахъ и внѣ оныхъ, даже при самыхъ играхъ и прогулкахъ.

Главная выгода отъ древнихъ языковъ есть почное познаніе книгъ Священнаго Писанія, копоры каждый учащійся долженъ читать въ оригиналѣ. Хорошо понимать и языческихъ писателей. Но излишнее упражненіе въ оныхъ легко отводишь отъ почитанія Библии. — При томъ древніе авторы опасны для юношества со стороны нравственности; почему нѣкоторые изъ нихъ не должны быть вовсе читаны; другіе же только въ извлеченіяхъ. Для сего надобно завести хрестоматіи.

Послѣ языковъ Географія, Исторія, Математика, Астрономія, Естественная Исторія и Физика должны быть извѣстны всякому студенту. Чемъ болѣе онъ принадлежитъ къ вышнему сословію, тѣмъ болѣе сѣи познанія будутъ украшанъ его. До сихъ поръ крайне нуждались

сими науками въ школахъ. Ни чему не учили, кромѣ древнихъ языковъ.

Къ правильному умствованію ведетъ Логика, къ точному, ясному, краснорѣчивому выраженію Риторика. — Обѣ должны быть тщательнo преподаваемы въ высшихъ классахъ и особенно практически чрезъ постоянное упражненіе въ диспутахъ, разсказахъ, диссертаціяхъ. Не должно выпускать изъ виду и опытовъ въ Лашинской и опечесственной Поэзіи.

Главное заведеніе, отъ котораго ожидали лучшаго воспитанія по вышепоказаннымъ правиламъ, было — образованіе учителей, т. е. зложеніе педагогическихъ семинарій. Частыя упражненія въ благочестіи, взаимное возбужденіе благихъ чувствъ и настрѣній, сердечныя увѣщанія и духовное пѣніе почитались надежными средствами къ внушенію нравственности учителямъ. — Для различныхъ цѣлей ученія были и различныя приготовленія. Для учителей въ народныхъ школахъ учредили теоретическія и практическія руководства къ Капехеникѣ, для учителей Лашинскаго языка — упражненія въ филологіи; для тѣхъ, которые предназначены были съ къ образованію высшихъ степеней, — энци-

клопедическія свѣденія въ языкахъ и наукахъ.

Постоянный и почный надзоръ какъ въ семействахъ, такъ и въ училищахъ почишался главнымъ дѣломъ воспитанія. Сами собою управляемые юноши легко порпяшя опъ праздности и пустыхъ, часто неблагоприслойныхъ разговоровъ. Навѣщаль ихъ время опъ времени значило бы — поощрять ихъ еще болѣе къ скрыпности и обману. Педагогъ долженъ бытъ неразлучнымъ шоварищемъ своихъ питомцевъ.

Сстрогая монастырская дисциплина была прошивна правиламъ основателя. Франкъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ поощрять воспитывавшъ съ опеческою любовью. Онъ хошя не сипкинулъ лозъ, но желалъ обойпись безъ нихъ. Бранныя и поносныя слова и неумѣренное наказаніе онъ опвергнулъ безъ исключенія.

Чшобъ каждому воздать по справедливости, учипелямъ было предписано какъ можно лучше замѣчавшъ успѣхи и поведеніе воспитанниковъ, и предъ каждымъ экзаменомъ (четыре раза въ году) представляль свое сужденіе объ ихъ благочесшій, прилежаніи, ученіи и нравспвенности, кошорыя попомъ вносились въ книгу.

Общій законъ меподы былъ — безпре-
спанно разговаривать съ учащимися, (въ
прошивоположность Академическому каее-
дральному шону) и заснавлиать ихъ бо-
лбе шрудитсья. Особенности награды на-
значены были за письменныя сочиненія,
опъ шого многія оказывали въ языкахъ
опличныя успѣхи. Не доспавало только
вкуса.

Воспитанникъ учился въ разныхъ клас-
сахъ, смопря по шому, каковы были его
успѣхи въ разныхъ предметахъ.

Повшореніе почиталось душею всего
ученія. Въ высшихъ школахъ для каждаго
предмета назначенъ былъ въ недѣлю осо-
бенный день для повшоренія.

Особенно спарались доспавлять воспи-
танникамъ случаи — разсмашривать раз-
ныя предметы, даже при самыхъ забавахъ
и прогулкахъ.

Дѣши преимущественно должны имѣть
познаіе объ окружающей ихъ природѣ,
заняітяхъ человѣческой жизни, дѣлопро-
изводствѣ ремесленниковъ. Къ посѣщенію
оныхъ назначены были особенныя часы.
Другіе же предметы натуры или иску-
ства собирались въ кабинеты.

Учреждены были частыя испытанія болѣе или менѣе торжественныя. Ихъ почитали за важное средство — содержать учителей и учащихся въ постоянной дѣятельности.

ПРАВИЛА И МЕТОДЫ ФИЛАНТРОПИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Онѣ начерпаны самимъ Базедовомъ и его сотрудниками во многихъ большихъ и малыхъ сочиненіяхъ. Здѣсь предлагаются изъ нихъ тѣ только, коихъ болѣе показываютъ характеръ сей школы.

„До сихъ поръ нѣтъ въ свѣтѣ училищъ, коихъ бы въ самомъ основаніи не были зыбки и худы. Причиною тому всеобщій недоспапокъ въ семинаріяхъ для практическаго образованія учителей и въ обдуманномъ планѣ для постепеннаго употребленія школьныхъ книгъ. Повсюду заставляющъ выучивать наизусть непонятныя слова, нѣтъ еще воспитанія для служителей, коихъ столь необходимы для высшихъ состояній. — Метода преподаванія языковъ еще очень недоспапочна.

Школьная пыль покрываетъ ее цѣлыя сполбпїя. У каждаго, кто долженъ въ ней дышать, дѣлается поврежденіе въ мозгу.

И такъ преимущественно предъ всемъ надлежитъ образованіе художниковъ и ремесленниковъ, если желаютъ, чтобы художества и ремесла процвѣтали. Въ физическомъ воспитаніи должно обратиться къ методу древнихъ. Пріученіе къ прудамъ и гимнастика укрѣпляютъ и образуютъ тѣло. Одно это предохранитъ уже отъ заразы тайнаго грѣха, господствующаго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Самымъ надежнымъ средствомъ къ опроверженію оной могутъ послужить и важные разговоры съ юношествомъ о гибельныхъ ея послѣдствіяхъ. Ибо по большей части впадаютъ въ сей проступокъ отъ незнанія оныхъ,

Въ душевномъ воспитаніи послѣдняя цѣль должна быть — образованіе чувства человеколюбія. До сего времени воспитывали однихъ ученыхъ, либо дворянъ, либо ремесленниковъ. Но для свѣта гораздо нужнѣе люди, космополиты.

Воля должна состоять подъ руководствомъ разсудка и строгаго повиновенія, которое въ иныхъ случаяхъ можетъ быть вынуждено посредствомъ тѣлеснаго наказанія.

Но чтобы какъ можно менѣе въ ономъ нуждаться, должно изыскавъ другіе способы награды и наказанія: — отличія чрезъ почетныя столы, золотыя почки, ордена заслуги и проч. Обыкновенныя школьныя наказанія были отвергнуты, а вмѣсто оныхъ выдумали тереть дѣтямъ спину жесткими щетками, давали имъ за столомъ пицу на деревянной посудѣ, низводили въ состояніе униженныхъ, въ классѣ запирали мальчиковъ въ кабинеты, въ которыхъ, чтобы воспрепятствовать арестантамъ лежать, были бы скрытно вожжены иголки. Нравственность и религію преподавать юношеству въ величайшей простотѣ, безъ всякаго отношенія къ сектамъ и партіямъ, припомъ самымъ пріятнымъ и легкимъ образомъ, чтобы дѣти полюбили столь необходимыя познанія. Не должно подавлять, но руководить естественную склонность къ свободѣ. Дѣти отъ природы добры; принужденіе дѣлаешь ихъ по большей части худшими. Они отъ природы человеколюбивы; но часто ихъ дѣлають мизантропами. Человеколюбіе должно быть цѣлю всего воспитанія.

Уважайте въ дѣтяхъ природу гораздо болѣе, нежели искусство. Упущенные нравы и обычаи свѣта отчасти пролив-

ны напурѣ. Искусство принадлежитъ къ зрѣлымъ лѣтамъ. Поступайте съ дѣтьми по дѣтски, чтобы они шѣмъ долѣе пребыли неиспорченными.

Преподаваніе наукъ еще повсюду носитъ на себѣ печать времени, въ которое заведены были школы, — характеръ монашества. Языки, которые должны быть только средствами, почищаются за цѣль, и молодыхъ людей участь множеству такихъ вещей, изъ которыхъ они во всю жизнь свою не сдѣлають никакого употребленія.

Чувственный младенецъ, чувственный опрокъ, который не имѣетъ смысла ни къ чему отвлеченному и непонятному, всего же менѣе къ обыкновенному Капехизису, долженъ прежде всего познакомиться съ чувственнымъ міромъ, разсматривая его въ самой природѣ, или, въ случаѣ невозможности, въ вѣрныхъ рисункахъ. Онъ можетъ играя выучить названіе вещей. Одинъ Коменіусъ (*Orbis pictus*) показалъ къ сему настоящую дорогу.

Ни чѣмъ сколько не мучать дѣтей, какъ Лашыню. Пять или болѣе лѣтъ употребляютъ на изученіе оной въ школахъ, и при всемъ томъ едва четвертая часть воспитанниковъ досстигаютъ до по-

го, чптобы съ прудомъ чипашь Лапинскія книги, или писашь безъ грамматическихъ ошибокъ. Но пусть заставяшъ ихъ учинься Лапинскому языку шакъ, какъ они учапся по Нѣмецки или по Французски; и погда съ удивленіемъ увидяшъ, въ какое короцкое время дѣши научашся говорить, чипашь, а можешъ бышь и писашь по Лапынѣ.

Чптобы не повредить нравственности юношей, не надобно давашъ имъ въ руки полныхъ изданій классиковъ. Они научашся изъ того познаваніе пороки и легкомысленно судить объ оныхъ. Воображеніе ихъ по-мрачено будешъ мечшами, отъ которыхъ сколь возможно надлежитъ предохраняшъ дѣшей. Учишель, принужденный объясняшъ имъ соблазнительныя мѣста, либо придетъ въ замѣшательство, либо въ легкомысліе. А попому чрезвычайно нужны очищенные хрестоматіи.

Вообще нѣтъ хорошихъ начальныхъ книгъ для ученія; и пока ихъ не будешъ, до тѣхъ поръ не лзя помышляшъ о воспитаніи по плану.

Даже для самыхъ нижнихъ школъ настопитъ великая нужда въ сихъ книгахъ. Нѣтъ орудій для образованія ума, и съ дѣшми проснаго народа все производится меха-

нически; ибо какъ могутъ учителя объяснять понятія, когда ихъ собственныя мысли темны? Въ семь случаевъ нужно коренное исправленіе.

ПРАВИЛА И МЕТОДЫ ГУМАНИСТОВЪ.

„Древніе языки, особенно Греческій и Латинскій, суть основаніе истинной учености. Знаніе ихъ кладетъ печать на собственно ученаго. Слѣдовательно оно должно быть принято за существо образованія студентовъ; даже для неученыхъ сословій основанія сихъ языковъ не могутъ быть излишни.

Изученіе языковъ, само по себѣ разсмаприваемое, есть одно изъ лучшихъ средствъ къ образованію ума. Надлежащее упражненіе въ Филологіи (любословіи) приводитъ въ дѣятельность многоразличныя душевныя силы. Оно имѣетъ вліяніе на всѣ предметы человѣческаго знанія. Греческія и Латинскія письмена суть источникъ всей учености. Кто хочетъ почерпнуть изъ сего источника, тотъ долженъ знать языки. Преданія религіи, Римское право, чисныя начала врачебной науки,

Философія, теоріи и образцы Риторики и Поэзіи, Исторія — все переселилось къ намъ изъ Греціи и Рима.

Чемъ постояннѣе какой нибудь изъ новѣйшихъ народовъ пребылъ къ изученію древнихъ, тѣмъ прекраснѣе развился цвѣтъ его собственнаго вкуса. Кію презираешь древнюю словесность, тому она сама за себя опмщаешь.

Грамматическое ученіе должно предшествовать ученію философическому, историческому, эстетическому. Безъ Грамматики знаніе языка не бываетъ прочно. Употребленіе обыкновенныхъ методовъ, по которымъ учатъ новѣйшимъ языкамъ, не годится для древнихъ. Сіи мертвы, тѣ живы. Мертвымъ языкомъ, рѣдкіе говорятъ хорошо и правильно. Даже многіе изъ лучшихъ Филологовъ не имѣютъ сего дара. И потому метода разговорная имѣла бы по себѣ слѣдствіемъ — худое знаніе языка; разумѣется что при Греческомъ, которымъ не говорятъ и величайшіе Филологи, она во все не можетъ быть употребляема.

Слишкомъ раннѣе упражненіе въ наукахъ вредно для основательнаго изученія языковъ. Познанія вещей должны быть преподаваемы кратко, мимоходомъ и поль-

ко въ взрослыхъ лѣтахъ подробно. Языки относятся къ училищамъ, науки къ Университетамъ.

Упражненіе въ слогѣ Латинскаго и Греческаго языка, даже пѣишическіе опыты имѣютъ пользу, что чрезъ нихъ не только научаются лучше писать по Латинѣ, но и лучше понимать древнихъ авторовъ. При каждомъ языкѣ онѣ ведутъ къ точному познанію его началъ.

Ложно думаютъ, что изученіе древнихъ языковъ препятствуетъ другимъ полезнымъ знаніямъ. Самые всеобъемлющіе ученые были вмѣстѣ и величайшими почтеннѣйшими древнихъ. Трудно наименовать на какомъ нибудь языкѣ отличнаго писателя или ученаго, который бы не зналъ Греческаго, или Латинскаго языка. Многіе изъ нихъ своею славою преимущественно обязаны древнимъ классикамъ.

Одно только раннее занятіе всеми возможными науками въ училищахъ изсушаетъ головы. Онѣ ни въ чемъ не бываютъ основательны. Кромѣ филологическаго, нѣтъ другаго основательнаго образованія для ученыхъ.“

Гуманисты, болѣе умѣренные въ своихъ мнѣніяхъ, хотя въ цѣломъ согласуются съ вышесказанными правилами, но

признаются, что есть въ нихъ нѣкоторыя излишества. Латинскія школы должны существовать только для пріугошляющихся къ ученому званію. Прочимъ состояніямъ надлежитъ преподавать полезнѣйшія знанія въ народныхъ школахъ.

Можно бытъ очень хорошимъ духовнымъ, юриспомомъ, врачомъ, даже учителемъ безъ собственно филологической учености. Впрочемъ желательнѣе, чтобъ каждый учащійся имѣлъ хотя поверхностное понятіе о древней Латинской Грамматикѣ.

Изученіе Грамматики не исключаетъ разговорной мѣтоды, и даже безъ оной оспается мѣткою для памяти. Основаніямъ можно учиться играя, какъ при новѣйшихъ языкахъ. При наспоющей мѣтодѣ можно заставлятъ дѣлать самихъ выдумывать правила, и такимъ образомъ сдѣлать Грамматику средствомъ къ упражненію ума.

Для младенца и опрока есть гораздо полезнѣйшія занятія, нежели Латинскія. Упражнятъ чувства и проясняютъ умъ — вопъ первыя начала ученія. Даже на 12 году еще рано переходить къ мертвымъ языкамъ. Но послѣ трудно бываетъ найти въ ученіи замѣну, которая бы такъ хорошо занимала, какъ древніе языки.

Величайшій Филологъ можетъ бытъ очень худымъ училелемъ. Для послѣдняго потребны всеобщія познанія, и болѣе всего *метода*.

Древнiе классики писали не для опроверковъ. Извлеченiя и новыя писатели на хорошемъ Лапинскомъ языкѣ, какъ на прим. Эразмъ, Мурепъ, своимъ содержанiемъ болѣе внушаютъ охоты къ сему языку.

Языки могутъ занять первое мѣсто въ училищахъ. Но и другiя науки принадлежатъ къ кругу ученiя. Юноша для высшаго образованiя долженъ бытъ приголовленъ энциклопедически.

Говорить и писать по Лапыни полезно, но сочиненiя на Греческомъ и Еврейскомъ языкахъ и Лапинскiе списки принадлежатъ къ паданству среднихъ вѣковъ.

Старая учебная метода безспорно состояла въ мѣлочномъ разборѣ словъ. Главная цѣль должна состоятъ — познакомить юношество съ духомъ древнихъ. Сей духъ болѣе нежели въ одномъ отношенiи способствуетъ къ образованiю. Онъ питаетъ и возбуждаетъ наспоющее чувство свободы и вмѣстѣ (посредствомъ Испорiи) предостерегаетъ отъ злоупотребленiя оной.

Правильными и вкусомъ исполненными переводами древнихъ образцовыхъ писателей, каждая новая Литтература и даже каждый новый языкъ пріобрѣтаетъ въ точности и богатствѣ. Можетъ быть чрезъ то они сдѣлаются наконецъ столь совершенными, что прудное изученіе древнихъ въ оригиналѣ будетъ вовсе не нужно.

Н. Рашковъ.

III. Н Р А В Ы.

Rien n'est beau, que le vrai;
Le vrai seul est aimable.

Boileau.

Письмо къ издашелю.

Любезный другъ!

Письмо, копорымъ ты увѣдомляешь меня о цѣли своего журнала, я читалъ съ удовольствіемъ. Описывать нравы, оплечить хорошее опъ худаго, — намѣреніе благородное! Шествуй, мой другъ, по слѣдамъ мудрой опытности, изобрази намъ рѣзкіе черты характера и изгибы человѣческаго сердца. Это лабиринтъ; но разнообразныя каршины жизни открываютъ тебѣ обширное поле, для описанія всѣхъ измѣненій чловѣка. Ты живешь въ великолѣпномъ и многочисленномъ городѣ, въ копоромъ столько занимаешься величественнаго; пышность споритъ съ огромностью, природа съ чудесами искусства; гдѣ собраны разные народы, соединены всѣ сословія: богатство и бѣдность, благородство и низость, просвѣщеніе и невѣжество; — вездѣ различіе нравовъ; и гдѣ каждый лю-

бопыпный взоръ доставитъ пищу для наблюдѣнїи. Я знаю свою склонность къ замѣчанїямъ, но прими и мои совѣты: дружба будетъ водить перомъ моимъ.

Угождая самолюбію людей, многіе писатели прекрасныя начала разборчиваго ума и тонкаго вкуса, скрыли въ аллегорїю басни. Они представили изящное подъ прозрачнымъ покрываломъ; и придали ему всю прелесть заманчиваго любопытства. Другіе, желая еще болѣе дѣйствовать на нравы людей, представляющъ ихъ на театрѣ, изображаютъ всю силу и боренїе страстей, живость чувствъ, осмѣиваютъ пороки, снранности, предразсудки, заставляющъ гремѣть громами, блистать молніи, писосылающъ съ небесъ божество, изъ ада выводящъ духовъ злымы, описываютъ смерть пирановъ, шоржество добродѣтели и удовольствїя мирныхъ семействъ. Наконецъ романическіе писатели изображаютъ порывы сердца; тонъ большаго свѣта, сцены изъ жизни мѣщанской, словомъ все, что можешь представить воображенїе, природа, искусство, общество; — эпо ихъ краски для живописи разнообразныхъ и привлекательныхъ картинъ.

Цѣль всѣхъ сихъ писателей — пронуть сердце, увлечь воображеніе, и представить разительные примѣры хорошей нравственности. Время, случай, сила характеровъ и великость генія дѣйствительно производящъ сїи дѣйствія. Театръ и романы часто возвышающъ нашъ духъ, и болѣе, нежели зрѣлище обыкновенной природы. Но всегда ли они достигаютъ своей цѣли? Произведенія сїи не суть ли только игры воображенія и ума, — прїятныя для людей опытныхъ, часто опасныя для молодости? Не способны ли они болѣе, кружиль головы и отвлекающъ отъ занятій важныхъ, преобладающихъ твердаго разсудка? Не питающъ ли они спрассни, и представляя свѣтъ и удовольствія въ другомъ видѣ не поставляютъ ли неопытныхъ въ проповорѣчїе съ самими собою? — Сїи вступающъ на поприще жизни, и часто не узнающъ людей. — Я не пишу къ тебѣ о вредномъ вліяніи театра и романической заразы на цѣлыя народы. Ты знаешь, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ паденія Аѳинской республики была изнѣженность, и спрассъ ея согражданъ къ театральнымъ зрѣлищамъ. Не говорю о смещеніяхъ, которыя раждалъ театръ въ Римѣ, Парижѣ. — Это завлекло бы меня

слишкомъ далеко; — зрѣлища необходимы... Не говорю о порчѣ нравовъ, которую производятъ романы. Примѣры очевидны.

Тебѣ предстоить важнѣйшій трудъ — изображать людей, такими, какими они есть на самомъ дѣлѣ. Испорія — вопль первое *угилице*; опытъ и замѣчанія — *наставники*, великіе авторы — *образцы*. Описывай людей, подражая имъ и соображаясь съ собственными наблюденіями; — вопль чего желаешь другъ швой.

Люди съ того времени, какъ живутъ въ благоустроенныхъ обществахъ, нѣкопрымъ образомъ между собою сходствуютъ; различны только костюмы, въ которые они одѣваются. Достоинства, чистые нравы и пороки всегда существовали на землѣ, но измѣненіе ихъ бываетъ чрезвычайно. Воспитаніе, образъ правленія, религія, климатъ, сословіе, степень просвѣщенія, духъ времени, кладутъ на каждого различные оппечатки. Люди по возвышающся, по упадаютъ, и по большей части одинаково во всѣ времена. Природу человѣческую можно уподобить дереву, котораго вѣтви и плоды, могутъ быть обиты проливными вѣтрами, но оно само пребываетъ неподвижно, и каждое лѣто вновь пускаетъ опроски, покры-

ваеяся лисьями и цвѣтами. Безпрерывныя перемены — вѣчный порядокъ.

И такъ любезный другъ, прежде нежели будешь изображать склонности и нравы людей, спарайся вникнуть въ собственное сердце. Въ немъ ты откроешь источникъ познанія великихъ таинствъ естества; оно научитъ тебя благоговѣть предъ Божествомъ, и утвердитъ въ вѣрѣ безсмертія. Вотъ испины, необходимыя для счастья людей, для порядка нравственнаго міра. Они возвышаютъ духъ, воцаряютъ въ немъ спокойствіе, твердость, и даютъ стремленіе ко всему хорошему, благородному. Но чѣмъ болѣе кто знаетъ разсмапривать себя, тѣмъ болѣе найдетъ въ себѣ слабостей, ошибокъ и недосмапковъ. Неумѣренное воображеніе, спраспи, предрасудки, безпрестанно раждающъ въ насъ химеры, которыя накидываютъ повязку на разумъ, и оковываютъ его цѣпями рабства. Препятствія еще сильнѣе раздражаютъ человека; онъ предается мечтамъ спраспей, и съ тѣмъ вмѣстѣ погружается въ бездну пороковъ; одни чувства тогда управляютъ имъ. Любезный другъ! Вникни въ причины сихъ нравственныхъ золъ. Не уже ли нѣтъ спраспямъ назна-

ченія, сообразнаго ихъ наущурь? Гдѣ излишество, недоснашокъ, и гдѣ середина?...

Спросите наблюдатели челоуѣчества говорящъ, что люди злы, несправедливы, общающъ съ шѣмъ, дабы обманушъ, клянупся и измѣniająшъ, что одни виды эгоизма и корысполюбїа занимающъ ихъ. Отъ чего же это происходитъ? Или не всѣ способны понимашъ и чувствовашъ прелести добра? Или сердце наше не сотворено, чтобъ любилъ хорошее? Не уже ли общество и просвѣщенїе, вмѣсто того, чтобъ приближилъ челоуѣка къ совершенству, отдаляющъ его отъ онаго?

Общественная жизнь произвела много различныхъ отношенїа. Она утончила наши нравы. Какъ самые шереховатые камни отъ взаимнаго тренїа теряющъ свои неровности, такъ и челоуѣкъ только въ обществѣ съ другими могъ получить чувствительность, которая привлекаешъ къ нему сердца, и вдохнушъ въ себя по сладостное чувство благошворенїа, которое умножаешъ его бышїе. Но съ шѣмъ вмѣстѣ не раздражены ли болѣе его гордость и самолюбїе? Ниши, связующїа людей, слишкомъ запущаны. Общая польза про-

изпекаетъ изъ частныхъ благъ; но къ симъ дано большее спремленіе. Однимъ спраспямъ предоспавлено все приводитъ въ движеніе. Вотъ причины, что почти всякой поспавляетъ себя центромъ въ мірѣ; — законъ сихъ: меньшимъ обращаешься около большихъ и безпрестанно отъ свойства разныхъ силъ сражаешься. Такъ и въ обществѣ: все въ непрерывномъ спорѣ — и добродѣтели, и пороки. Первыя составляютъ совершенство; — кто достигъ его, тотъ герой. И дѣйствительно, трудно бываетъ человеку успокоить пропивъ оболоченія, тогда какъ ограниченность ума его способна все привести въ сомнѣніе, а несчастные опыты ожесточаютъ сердце. Но и въ сихъ обстоятельствахъ, часто бываетъ въ немъ видно усиленіе къ добродѣтели: онъ борется, испытываетъ различныя средства, и когда уже въ нихъ не найдетъ себѣ помощи, то одинъ шагъ — и онъ преступникъ. Но не уже ли нравы наши должны зависеть отъ обстоятельствъ? Не уже ли человекъ есть только игра случаевъ? Нѣтъ! Существуетъ вѣчный и непремѣнный законъ нравственности. Онъ начертанъ на сердцѣ и дикаго Африканца и просвѣщеннаго Европейца. Всѣ гражданскія учрежде-

нія должны имѣть его главною цѣлїю; всѣ искусства назначены къ тому, чтобы открытъ и развернуть въ насъ чувство любви къ хорошему. Оно часто происходитъ и обнаруживается даже въ боренїи страстей. И сильное самолюбіе не можетъ удержатъ, чтобы не содрагаться преступленїй, въ самое то время какъ страсти побуждаютъ къ онымъ. Не возможно безъ усилїи, заглушить гласъ совѣсти. —

Вездѣ, гдѣ только есть отношенїя, тамъ существуютъ и должности и свои приличїя; а изъ нихъ-то составляются нравы и обычаи. Они утверждаются общимъ мнѣніемъ, и сей пиранъ господствуетъ сильнѣе, нежели самый разумъ. Показавъ степень народной образованности какого нибудь Государства, значить описать его нравы. Каждая страна, городъ и даже частный человекъ имѣютъ что либо въ нихъ отличительное. Положенїе, въ которомъ люди находясь, бываетъ неодинаково и это производитъ игру характеровъ. Свѣтъ есть обширный театръ, гдѣ съ каждымъ днемъ мы видимъ новыя сцены дѣйствїя, съ тѣмъ только различїемъ, что перемены на ономъ производить гораздо труднѣе, нежели какъ съ декораціями; онѣ должны быть постепенны. Люди не скоро

и не охотно оспавляютъ прежнія свои привычки; и Философы справедливо говорятъ, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ преобразовывать нравы и закоренелые народные предразсудки. Одно только просвѣщеніе можетъ проложить къ тому дорогу. Лучи истины ярки; но свѣтъ солнца проникаетъ тьму... Хотѣлъ бы продолжать еще; — но опасаясь упомянуть твое вниманіе. — Мнѣ оспавляется только пожелать тебѣ успѣховъ, и что бы ты всѣ труды свои посвятилъ пользѣ общественной.

Твой другъ N. N.

IV. ЛИТТЕРАТУРА.

а) Изящная проза.

КАРТИНЫ

Андрея дель Сарто

(Повѣсть Барона Мильтица.)

Молодой Лудвигъ Розенпаль, спрасный любитель живописи, находился по своимъ дѣламъ въ Парижѣ, въ самое по время, когда свирѣпствовала революція. Уже онъ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію, чтобы тамъ усовершенствовать себя по образцамъ великихъ художниковъ, и однажды объявилъ о томъ въ кругу своихъ пріятелей. — „Какъ! — возразилъ одинъ изъ нихъ, — вы осмѣливаете Францію не видавъ славной карпинной галлерей Андрея дель Сарто?“ — Андрея дель Сарто! — подхватилъ съ радостію Лудовикъ, — „эшаго глубокомысленнаго, высокаго генія! О, закливаю васъ, удовлетворите моему любопытству.“ —

„Сія галлерей находится въ Шомонѣ на Марнѣ, въ церкви Св. Власа. Всѣ знатоки почитаютъ ее за самое лучшее произведеніе сего художника, и особенно удив-

ляются двумъ картинамъ, въ которыхъ
 показалъ онъ всю творческую силу своего
 дарованія. Одна представляетъ Св. Іакова
 Компостельскаго въ человѣческой ростъ,
 въ одеждѣ спранника. Все соединено въ
 этой картинѣ: и величайшая твердость
 кости, и прелестная гармонія красокъ,
 оптимъная легкость въ расположеніи и са-
 мая тщательная отдѣлка. Какое неподра-
 жаемое сліяніе чувствъ въ лицѣ Святаго
 спранника, — чувствъ благочестія, досто-
 инства, кротости! — Никогда безъ слезъ
 сердечнаго умиленія не могъ я смотрѣть
 на сей образъ; и даже теперь воспомина-
 ніе о немъ шрогаетъ мою душу. — Другая
 картина представляетъ женщину также
 въ ростъ человѣка. Все, что юность и
 красота имѣютъ въ себѣ плѣнительнаго,
 изображено здѣсь въ самыхъ живыхъ чер-
 тахъ. Говорятъ, что это былъ портретъ
 одной Нѣмецкой графини, и ею подаренъ
 церкви. Жаль только, что тяжкое бремя
 одежды не соотвѣтствуетъ небеснымъ ея
 прелестямъ. Она представлена съ широкою
 желѣзною цѣпью на шеѣ и на рукахъ, вѣ-
 роятно потому, что жила и умерла по-
 каинницею въ одномъ тамошнемъ монасты-
 рѣ. — Не буду описывать вамъ другихъ
 картинъ сего художника; онъ всѣ превос-

ходны, и заслуживаютъ вниманіе всякаго любителя живописи. “ —

Разговоръ кончился. Пылкой Розенпаль рѣшился ѣхать въ Шомонъ. Ему дали рекомендацiонныя письма къ одной знаменитой фамиліи; и на другой день онъ отправился въ дорогу. —

Достигнувъ желаемого мѣста, онъ нанялъ квартиру въ уединенной части города, чтобы свободнѣе заниматься любимымъ предметомъ — живописью. Въ древней церкви Св. Власа онъ опыскалъ человека, чрезъ котораго доставилъ себѣ способъ всякой день разсматривать превосходныя картины Андрея дель Сарто. Святой спранникъ Компостельской наполнялъ богоговнiемъ его душу; а прекрасная покаяница въ веригахъ погружала его въ сладостное забвеніе. Съ каждымъ днемъ возрастало его почтеніе къ великому художнику; и только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ рѣшился снять копiи съ лучшихъ его картинъ. —

Наконецъ республиканскій фанатизмъ и возвращеніе обуяли умы и жителей Шомонскихъ. Неисповая вольность изгнала спокойствіе изъ города. Лудвигъ принужденъ былъ съ гореснiею оснавить свое занятіе. Но копiи были уже сдѣланы; онъ

успѣлъ опослать ихъ въ Базель, куда и самъ думалъ вскорѣ отправиться.

Въ одинъ вечеръ, когда онъ прогуливался по улицамъ, подбѣжалъ къ нему сынъ хозяина, у котораго онъ жилъ въ домѣ. „Пойдемте, пойдемте со мною Г-нъ живонисецъ! — сказалъ рѣзвой мальчикъ, — шамъ дураки республиканцы несутъ въ порожественной процессіи богиню истины въ церковь Св. Власа. Алтарь уже сломанъ; вся утварь церковная продана Жиду, а на вырученныя деньги заказана статуя истины. Она еще не готова, и для того въ нынѣшній день мѣсто ея займетъ прелестная дѣвушка, ваша соопечесивенница. Пойдемте, пойдемте!“ — Такая новость поразила Лудвига. Едва онъ могъ вѣрнѣе слышанному; но рѣзкіе звуки несвойственной музыки и неистовый крикъ черни: — *„Да здравствуетъ вольность! поклоняйтесь свободѣ!“* — потчасъ вывели его изъ сомнѣній. — Вскорѣ открылась процессія. Республиканцы въ разноцвѣтныхъ нарядныхъ плапьяхъ толпами плясали вокругъ позолоченнаго пьедестала, котораго несли восемь гражданъ въ красныхъ Якобинскихъ шапкахъ. — На немъ сполла женщина, завѣшенная съ ногъ до головы покрываломъ. Сколь ни опвращивательно показалось

Лудвигу шакое зрѣлище; однако онъ рѣшился ийти въ церковь, желая увидѣшь, до какой степени будешь просширашься безуміе черни.

Ужась овладѣль имъ когда онъ вступилъ въ поруганное святилище. Алтарь былъ разрушенъ; на мѣстѣ его спояло подножіе въ Греческомъ вкусѣ, приготоленное для испукана истины. Распятіе, кропильница съ святою водою, — все, что только могло напоминать о Христіанскомъ богослуженіи, было вынесено изъ храма. Самые образа Андрея дель Сарто имѣли шу же учасъ; мѣсто ихъ заступили соблазнительныя каршины изъ Греческой и Римской Миѳологіи. Розенпаль пришелъ въ испупленіе, узнавъ что одна изъ его соопечесшвенницъ согласилась быть жрищею неисповыхъ Вандаловъ. — Когда она взошла на пьедесталь, по одинъ пьяной ремесленникъ въ сипранномъ плащѣ, предспавлявшій Самурна, закричалъ дикимъ голосомъ: *взирайте граждане! время открываетъ истинну!* — Съ симъ словомъ онъ сдернулъ покрывало съ богини, — и прекрасная, юная дѣвица, въ легкой упренней одеждѣ, предспавилась глазамъ изумленного Лудвига. Она держала въ правой рукѣ круглое зеркало, эмблему истины.

Взоры ея были мушны, неподвижны, и показывали какое то разстройство души. Вдруг толпа испугленных поклонниковъ падаеть на колѣни предъ живымъ испуканомъ, и восклицаетъ въ бѣшеной радости: „*обожайте истину! — прелестная дѣвица! — прелестная Германка! — потеніе красотъ твоей!*“ — При сихъ словахъ Розенпаль, исполненный священнаго гнѣва, продирается сквозь толпу къ самой богинѣ. „Да будетъ проклята нечестивая богоотступница, поношеніе земли своей!“ — Сказаль онъ; — и сильная рука его ниспровергаетъ несчастную; кровь ея обогрила мраморной помостъ храма. — Въ ту же минушу онъ самъ падаетъ подъ ударами раздраженныхъ республиканцовъ.

Когда несчастной Розенпаль пришелъ въ чувство, то увидѣль себя подъ мрачными сводами церкви. Престарѣлый придверникъ перевязываль его раны. Сей добродушный человекъ часто получаль отъ Лудвига подарки; и теперь, въ знакъ благодарности, рѣшилъ съ опасностію своей жизни, спасти жертву народнаго фанатизма — крѣпкое сложеніе Лудвига и попеченія искуснаго доктора скоро возстановили его здоровье пакъ, чпо чрезъ нѣсколько недѣль онъ могъ уже отправиться въ Швейцарію.

При отпѣздѣ своемъ Розенталь узналъ, что двѣ славныя картины Андрея дель Сарпо были спасены; а прочія сдѣлались жертвою неисповой черни. Съ какою радостію увидѣлъ онъ опять Якова Компонельскаго и прекрасную Графинис; подобно молніи поразило его удивительное сходство послѣдней съ низверженною имъ богинею истины. Онъ всѣми средствами старался развѣдать, кто была эта несчастная; но старый придверникъ не могъ удовлетворить его любопытству, опасаясь своими распросами возбужденіе подозрѣніе въ бѣшеныхъ республиканцахъ, которые легко бы могли открыть его убѣжище. Наконецъ, послѣ тщетныхъ розысковъ, Лудвигъ отправился въ Швейцарію. Воспоминаніе о прошедшемъ поселило глубокую горестъ въ душѣ его. Проклятіе, которое онъ въ пылу гнѣва произнесъ надъ несчастной, и неизвѣстность судьбы ея подобно камню лежали на его сердцѣ. — Гласъ совѣсти: не осуждай! — безпрестанно въ немъ отзывался.

Но живописныя красоты Швейцаріи и великія произведенія Итальянскихъ художниковъ мало по малу испребили изъ его памяти прекрасную незнакомку и поразительное ея сходство съ картиною

дель Сарпо. Розенпаль провелъ въ Италіи чепыре года, и во все это время съ неушомимомъ дѣяпельноспію занимался любимымъ искусспвомъ. — Труды его увѣнчаны были самимъ блестящимъ успѣхомъ. Внутреннее чувство говорило ему, что онъ достигъ желаемой степени совершенства; а письма отъ родныхъ и друзей безпрестанно призывали его въ отечество. Людвигъ не безъ сожалѣнія оставилъ Италію, въ которой прожилъ сполько пріяпныхъ, щаспливыхъ дней. Чувспвипельная душа его не была равнодушна къ красопамъ природы. Всякой необыкновенный видъ оспанавливалъ его въ дорогѣ. Пробъжая Шпирію онъ особенно пѣвнился одною романической долиною, — которой соединяла въ себѣ пропивоположныя карпины изящной и дикой напуры, — и рѣшилъ провести здѣсь нѣсколько времени. Прогуливаясь однажды по гористымъ мѣстамъ, Розенпаль сбился съ дороги. Ночь заспала его въ лѣсу, гдѣ онъ по щаспію встрѣпилъ одного угольника, который проводилъ его въ замокъ Графа Гольдберга, обладателя того лѣса. — Людвигъ былъ принятъ очень ласково, и чпобъ избѣжать лишпихъ церемоній, назвался пупешествующимъ живописцомъ. — Семейство Графа

состояло изъ его супруги и дочери ихъ Аделаиды, которая была подобно распускающейся розѣ. Въ мнимомъ живописцѣ скоро открыли тонкое знаніе свѣта, превосходный талантъ, любезную душу и самый образованный умъ. Нѣсколько разъ Розенпаль хотѣлъ проспиться съ милымъ семействомъ и продолжать свою дорогу; но тщетно: любезныя его качества такъ привлекли къ нему сердца благородныхъ хозяевъ, что онъ, уступая ихъ желанію, прошивъ воли своей согласился прожить у нихъ еще два мѣсяца. Это особенно обрадовало Аделаиду, которая, любя спрашно живопись, начинала подъ его руководствомъ оказывать примѣныя успѣхи. —

Лудвигъ долго размышлялъ о возможности исполнить свое обѣщаніе. Съ одной стороны какое-то шайное предчувствіе побуждало его скорѣе отправиться въ дальнѣйшій путь; но съ другой — любезная опкровенность ученицы, ласковые поступки ея родителей и прекрасныя мѣсположенія, подобно магниту, удерживали его въ замкѣ. — Онъ рѣшился исполнить свое обѣщаніе, и получилъ за то лестную награду въ привязанности, нѣжной дружбѣ и полномъ довѣрїи всего семейства.

Въ одинъ вечеръ Лудвигъ занимался своею работою позднѣе обыкновеннаго. Внезапно слухъ его поражается болѣзненнымъ крикомъ женскаго голоса. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ, что въ крайнемъ флигелѣ замка ходили взадъ и впередъ со свѣчами. Живо пронутый состраданіемъ и любопытствомъ, онъ сѣвшишь съ факеломъ къ тому мѣсту, откуда раздавался неизвѣстный голосъ, пробѣгаетъ длинной коридоръ, соединявшій оба флигеля съ главнымъ корпусомъ замка, отворяетъ дверь, проходитъ еще нѣсколько комнашь, наконецъ усматриваетъ темную впадину въ одной стѣнѣ, за которою, судя по отголоску, должна была находиться несчастная спрадалица. Уже онъ близъ своей цѣли; но вдругъ, какъ громомъ пораженный, отскакиваетъ назадъ съ ужасомъ. Темная впадина была ничто иное, какъ большая картина, — топъ самой портретъ Графини, который онъ видѣлъ въ Шомонѣ. — То же самое лице, тѣ же прелестныя черты, — однимъ словомъ, — мастерское произведеніе Андрея дель Сарто. Пронзительный крикъ раздался теперь сильнѣе; картина подвинулась; заскрипѣла дверь — и въ стѣнѣ показался проходъ. Лудвигъ потерялъ все присутствіе духа,

и не могли преодолѣть неизъяснимаго страха, бросился вонъ изъ залы. Онъ хотѣлъ достать оружіе, но прибѣжавъ въ свою комнату, увѣрился въ бесполезности такого предпріятія. — Онъ узналъ, что живетъ посреди паинспвеннаго семейства. — „Но какимъ образомъ попалась сюда карпина? Чей былъ спраждащій голосъ позади поршпрепа? Не шѣнь ли пресшупной Графини блуждала въ пустыхъ сводахъ замка, и какъ бы прѣговала искупленія въ лишнихъ грѣхахъ своихъ? Или все это были мечты разгоряченнаго воображенія?“ — Глубокой сонъ прервалъ мысли изнуреннаго Лудвига. На другой день онъ рѣшился спросить обо всемъ Графа, и съ симъ намѣреніемъ вошелъ въ споловую комнату. Все семейство наблюдало молчаніе; глубокая печаль изображалась на всѣхъ лицахъ; Графиня плакала; Аделаида также не могла скрыть слезъ своихъ. — Такая протрагическая сцена поразила Лудвига. Онъ въ первой разъ примѣтилъ, что Графиня опкладывала кушанье на особую тарелку, и опсылая его съ шарымъ служилелемъ, что-то шептала ему на ухо.

Сполъ кончился. Но нѣкоторомъ молчаніи Лудвигъ съ почтеніемъ подходитъ къ Графу, и начинаетъ говорить ему:

„Милоспивый государь! дружба, копорю вы почпили меня, и сердечная моя привязанность къ вашему дому заспавають меня обезпокоивать васъ нѣкопорыми вопросами, — Они хотя покажутся нескромными, но я клянусь вамъ, что причина ихъ не пустое любопытство; но особенное приключеніе въ моей жизни, копорое лишаетъ меня спокойствія духа.“ — „Я полагаюсь на ваше увѣреніе, любезный другъ мой, — отвѣчалъ Графъ; — спрашивайте! — я общаю говорить вамъ всю истину.“ — „Чей былъ спраждающій голосъ, копорый я слышалъ въ прошедшую полночь? Чье изображеніе на карпивѣ, закрывающей дверь въ лѣвомъ флигелѣ? Въ какомъ отношеніи находится она съ болѣзненнымъ спомомъ несчастной?“ — „Въ самомъ ближайшемъ! — отвѣчалъ Графъ со вздохомъ! — я общалъ говорить правду и сдержу свое слово; хотя не могу понять, какую связь имѣетъ жизнь художника съ плачевною пайнсю нашего дома.“ — „И такъ слушайте!“ —

„За приста лѣшь предъ симъ жила въ Ишаліи извѣстная Графиня Юлія Монпедоро, копорой ангельская красота была для живописцевъ лучшимъ оригиналомъ, для стихопворцевъ — неизчерпаемымъ источникомъ къ описанію изящнаго. Но въ

пакомъ прелестномъ пѣлѣ обитала душа самая порочная. Графиня Юлія въ молодыхъ лѣтахъ осталась сиротою. Будучи опъ природы вѣпрена, она скоро нашла безчисленную толпу обожателей, съ воспоргомъ принимала похвалы ихъ, и въ ослѣвленіи предавалась всѣмъ спраспамъ своимъ.—Съ пылкою душою, но съ помраченнымъ разсудкомъ она почипала все позволительнымъ. У Юліи былъ молодой любовникъ, споль же развращенный и легкомысленный, какъ и она. Желая пріобрѣсти болѣе власпи надъ ея сердцемъ, онъ испощался въ выдумкахъ, какъ бы доспавлялъ всегда новую пищу ея самолюбію. Ужасная, но по его мнѣнію счастливая мысль приходилъ ему въ голову. Онъ лепилъ въ воспоргѣ къ Юліи, предлагаетъ ей одѣться подобно Святой Дѣвѣ, и въ день, празднуемой ея имени, спать за пресполомъ въ соборной церкви на мѣстѣ образа Богоматери. Юлія пришла въ восхищеніе опъ такой адской выдумки. Объявляя безумнымъ пщеславіемъ, она желала хопя нѣсколько минулъ бытъ обожасемою народомъ, и показатъ себя за идеалъ божеспвенной красопы. Небо попустило совершиться такому преспупленію, чшобы пѣмъ спроже наказатъ дерзкихъ

порукашелей свяпыни. Подкупили церковныхъ служителей, которые чрезъ подземельные ходы провели Юлію къ назначенному мѣсту въ храмъ, и по окончаніи ушренняго молебствія поставили ее на мѣстѣ образа. Все было такъ размѣрено и учреждено, что никто не могъ примѣтитъ сего ужаснаго обмана, и тѣмъ болѣе, что безбожница не измѣнила себѣ глазами и была неподвижна какъ мраморъ. Уже любовники наслаждались адскимъ поржесствомъ своимъ. Но лишь только хоръ возгласилъ: „О святая и непорочная Дѣво, Матерь Бога нашего, внемли гласу рабовъ Твоихъ!“ вдругъ раздался спрашный громъ и поколебаль своды храма. Молнія ударила въ подножіе образа, и низвергла преступницу съ священнаго мѣста. Любовнику Юліи казалось, что грома поразили несчастную; онъ въ отчаяніи бросается къ ногамъ ея, умоляетъ о помощи; чрезъ нѣсколько минуць Юлія, оглушенная только ударомъ, открываетъ томные глаза и остается невредимою среди изумленнаго народа. — Нечестивыхъ предали правосудію; но по знашности ихъ рода они избѣгли смертной казни. Любовника замочили на всю жизнь въ пемницу; Юлію опрѣшили отъ церкви, и со всѣми ея родспвенниками

выслали навсегда изъ Испалїи. Такъ мои предки перешли чрезъ Альпы, и здѣсь, подъ именемъ Графовъ Голдъберговъ, нашли защиту и покровительство. — Юлія умерла покаяницею въ одномъ спрогомъ монастырѣ близъ Парижа. Спрадая въ започенїи, она все еще обладала прелестями, и славный художникъ Андрей дель Сарто, копорой былъ вызванъ во Францію Королемъ Францискомъ I, написалъ съ неѣ два портрета въ томъ самомъ видѣ, когда Юлія была окована цѣпями, и дала обѣтъ носить ихъ до самой смерти. Одинъ портретъ былъ посланъ родственникамъ Графини. Какъ спрого ни было ея покаяніе; но небеса не помирились еще съ пѣнію несчастной. Наказаніе Юліи prosperлось и на ея потомковъ. Сынъ мой умеръ въ молодости; старшая дочь моя Минона, будучи десяти лѣтъ, впала въ сумашествіе, которое съ каждымъ днемъ усиливалось. Мы вѣдили ко всѣмъ цѣлительнымъ водамъ, призывали искуснѣйшихъ докторовъ; но все было тщетно. Наконецъ намъ совѣщывали ѣхать въ Шомонъ на Марнѣ, гдѣ, судя по слухамъ, хорошо лѣчили оны сумашествія. Принявъ намѣреніе испытать всѣ средства, мы отправились, хотя и съ боль-

шими затрудненіями, во Францію.— Соспо-
яніе несчастной дочери такъ было опча-
янно, что ее безъ присмотра не лзя бы-
ло оставишь ни на минуту. Однакожь
болѣзнь ея въ Шомонѣ примѣрно начала
уменьшашься. Минона въ самомъ дѣлѣ спа-
новилась спокойнѣе, и я приписывалъ это
одной только переменѣ климата, потому
что искусныхъ докпоровъ тамъ не было.
Между тѣмъ возгорѣлась Французская ре-
волюція. Мы находились въ большой опас-
ности; къ несчастію въ одинъ день пол-
па неистовыхъ республиканцовъ проходи-
ла мимо комнаты моей дочери. Въ это
самое время Минона находилась случай
выйти изъ дома, продирается сквозь тол-
пу народа, и проситъ заслупишь мѣсто
богини истины, которую представляла
одна безобразная мѣщанка. Республиканцы,
восхищенные красою и благороднымъ
видомъ моей дочери, и почипая ее при-
верженною къ ихъ правиламъ, прогоня-
ютъ прежнюю богиню, и поставляютъ на
мѣсто ея Минону.— Тутъ прервался го-
лосъ Графа. — Лудвигъ препеналь ошь
ужаснаго предчувствія. Горестный отецъ
продолжалъ: „Дочь моя въ видѣ богини ис-
тины вслупаетъ на разрушенный алтарь
раздраженнаго Бога, и злодѣяніе прароди-

пельницы неумышленно возобновляется. Но въ ту минушу, когда народъ въ испугленіи повергнулся на колѣни предъ своимъ идоломъ, выбѣгаетъ изъ толпы одинъ молодой чужеземецъ, и произнеся спрашное проклятіе надъ несчастною, повергаетъ ее на помостъ храма съ такою силою, что приспѣвшія на то время надзирапельницы моей дочери опчаявались въ ея жизни. Чужеземецъ хопя сдѣлался жертвою народной ярости, но спасъ и исцѣлилъ Минону. Она выздоровѣла въ скоромъ времени, и ея сумашеспвіе миновалось. Теперь бывающъ съ нею небольшіе только припадки, которые съ нѣкотораго времени случаются по ночамъ съ болѣзненнымъ спомомъ и слезами. Тогда больная начинаетъ жаловаться, что не находить никакого утѣшенія въ молишвѣ, что слышитъ проклятіе чужеземца, который какъ тѣнь съ грознымъ видомъ яляется предъ нею и терзаетъ горестію ея сердце. — Увы! — несчастная проситъ Бога, да возвратитъ ей неумолимаго мспишеля, который бы разрѣшилъ ея душу отъ тяжкаго проклятія. — Тщешныя моленія! Прахъ его давно въ землѣ покоишся. По всему вѣрояшно, что Минона понесетъ въ могилу болѣзнь свою и желаніе,“ —

Теперь, сказалъ Графъ, вы знаете бѣд-
 спвенную испорію моей дочери. Довольны
 ли вы? Но Боже мой! — что съ вами дѣлаеш-
 ся? — Вы блѣднѣете, колеблетесь! — „Будьте
 спокойны, опвѣчалъ Лудвигъ слабымъ го-
 лосомъ, — и палъ на софу опъ изнеможе-
 нія. „Позвольте мнѣ собраться съ силами.“
 Тутъ онъ беретъ Графа за руку: „Я неви-
 нень; это свидѣтельствуетъ моя совѣсть.
 Со всемъ тѣмъ вы должны ненавидѣть меня.
 Я потъ самой чужеземець, которой такъ
 жестоко поступилъ съ Миноною.“ — Сму-
 щенный Графъ вырываетъ свою руку;
 Графиня чипаетъ моливу; Аделаида, со
 слезами обнявъ колѣна Лудвига, говоритъ
 ему: спасите! спасите! сестру мою! —
 „Дайте мнѣ ее увидѣть — сказалъ Лудвигъ
 въ опчаянїи.—О, еслибъ я могъ“.... — „Вы
 должны, вы обязаны помочь ей! возразилъ
 Графъ, перебивъ рѣчь впревоженнаго Луд-
 вига.— Если угодно Богу, Онъ возвратитъ
 чрезъ васъ спокойствіе моей дочери.— Но
 посоветуемся прежде съ докторомъ, какъ
 лучше поступитъ въ такомъ важномъ дѣ-
 лѣ. Я надѣюсь, любезной другъ, что вы
 проспите мою запальчивость тѣмъ болѣе
 несправедливую, что вы рѣшились упо-
 потребить всѣ силы помочь несчастной Ми-
 нонѣ.

Наконецъ больную оспорожно, увѣдомили, что чужеземецъ былъ спасенъ особеннымъ провидѣнїемъ Всевышняго, и находился еще въ живыхъ. Не смотря на то, Минона сильно была пронута такимъ извѣстїемъ. Она всё еще сомнѣвалась, и со слезами вскричала: „о! когда бы это была правда!“ — Мало по малу начали приготавливать ее къ свиданію съ Розенталемъ. Сперва увѣдомили ее, что онъ чрезъ Шпирїю возвращается въ свое отечество; потомъ: — что онъ находится въ ближнемъ городѣ и съ неперпнїемъ желаетъ разрѣшить ее отъ жестокаго проклятія; наконецъ — что онъ уже прибылъ въ замокъ и готовъ повергнуться къ ногамъ ея, чтобы загладить свое преступленіе. Невозможно изобразить радость Миноны. Она желаетъ на другой же день увидѣться съ Лудвигомъ. Но опытный докторъ не надѣлся на ея силы; внезапный приходъ Розенталя могъ бы разстрѣпать ея здоровье. Онъ совѣщивалъ показать ей порпиретъ живописца, чтобы она, познакомясь съ лицомъ его, могла пѣвмъ надежнѣе выдержать опасное свиданїе. Въ назначенный день все семейство собралось въ залу. Вошла Минона, поддерживаемая докторомъ, — блѣдная, какъ лилія. Опецъ,

мать и сестра бросились обнимать ее. Чувствуете ли въ себѣ довольно силы? спросилъ у неѣ докторъ.— „Еще минуиу;“ отвѣчала она, — спала на колѣни, и въ короткихъ словахъ произнесла прогашельную молитву. „Теперь я готова.“ И дверь отворилась. Вошелъ Лудвигъ. Графиня! воскликнулъ онъ съ живостію, подойдя почтительно къ Миновѣ, — „Провидѣніе спасло насъ отъ смерти. Вы раскаялись; но душа моя еще не свободна отъ тяжкаго преступленія.— „Проспитте меня!“— сказала онъ, упавъ предъ нею на колѣни.— „Отъ всего сердца! — отвѣчала она, подымая съ нѣжностію признашельнаго Лудвига, — и лице красавицы покрылось яркимъ румянцемъ. „Я признаюсь предъ всѣми, что вамъ однимъ обязана спокойствіемъ души моею, хотя и дорого мнѣ стоило перенести всѣ мои бѣдствія. Взоръ ея помрачился, и слезы сверкнули въ глазахъ прелестной дѣвицы. Графъ начиналъ уже беспокоиться! „Не опасайтесь родитель мой, сказала она, тоска моя миновалась, и отнынѣ дочь ваша будетъ вамъ опорой и утѣшеніемъ.“ — Все семейство оправилося въ домовую церковь, гдѣ Лудвигъ при свѣтомъ алтарѣ, въ присутствіи священника, оприся отъ произнесеннаго имъ

проклятія. — „Я спасена!“ — вскричала Минона съ радостію, по окончаніи обряда, „благодарю Всевышняго! и возвращаюсь опять въ объятія милаго семейства!“ Сей восторгъ былъ, такъ сказать, переходомъ ея къ новой жизни. —

Лудвигъ уже не смѣлъ думать объ отъѣздѣ. Присутствіе его, какъ говорила сама Минона, было для неѣ необходимо. Она примѣтно поправлялась въ здоровьѣ, и по прошесивіи двухъ мѣсяцевъ украсилась всемъ блескомъ своихъ прелестей. Родители восхищались ея непринужденною веселостію, и гордились предъ сосѣдами обладаніемъ такой дочери. —

Но чѣмъ болѣе познавала она цѣну дней своихъ, шѣмъ мрачнѣе становилась душа печальнаго Розенталя. Любезный нравъ и красота Миноны, ея плѣнительное обращеніе, искренность сердца, самыя прошедшія ея несчастія поселили въ Лудвигъ непреборимую къ ней привязанность, которая скоро превратилась въ сильнѣйшую спраспъ. Тщешно онъ спарался скрыть свои спраданія; Минона понимала ихъ; и охотно дѣлилась съ нимъ чувспвами. Сердце ея не могло прошивиться вздохамъ Лудвига; она всемъ была ему обязана, и почиала себя какъ бы

собственностію своего избавителя. Бышь вмѣстѣ съ обожаемымъ предметомъ, перилпсь въ восторгахъ любви на груди его, вливать сладостное дыханіе въ уста юноши, — было единственнѣмъ желаніемъ пылкой Миноны. Она открыла родителямъ свои чувства, и благодарность къ Лудвигу заставила ихъ согласиться на выборъ дочери, не смотря на неравенство сословіій. — День рожденія Миноны назначенъ былъ для союза двухъ нѣжныхъ любовниковъ. Уже сдѣланы были всѣ приготовления для радостнаго торжества, и семейство Графа вкушало неизъяснимое удовольствіе. Лудвигъ, не зная что происходило въ замкѣ, собрался совсемъ въ дорогу, и съ примѣрнымъ волненіемъ вошелъ поспѣшно въ кабинетъ Графа въ дорожномъ плащѣ. Какъ! вы оставляете насъ! — сказалъ Графъ съ улыбкою; — такъ скоро! — „Однакожь, милостивой государь, оповѣчалъ Лудвигъ съ смущеннымъ видомъ, я не могу опастись; согласіе не въ моей власти; позвольте мнѣ открытъ вамъ.... Знаю! — знаю! — прервалъ его Графъ, прижавъ палець къ устами Лудвига; вы еще успеете сказать мнѣ вашу тайну. Слѣдуйте теперь за мною. Не могу; вы ничего не знаете.“ — „Знаю! говорю вамъ,

знаю! — и взявъ Лудвига за руку, вводитъ его въ ближнюю комнату, въ которой Графиня находилась съ обѣими дочерьми.

Вошь, — милая моя, — сказалъ Графъ, взявъ руку Миноны, — Лудвигъ дѣлаешь тебѣ визитъ, и поздравляетъ тебя со днемъ своего рожденія. Однакожь, не стыдно ли вамъ, милосивой государь, приплы сюда съ пустыми руками? — хотя бы маленькой сюрпризъ, эмблему чувствъ вашихъ? — какойнибудь цвѣточикъ? — „Ради Бога, Графъ! выслушайте.... Вы раздираете мое сердце!“ — „Тише, мой другъ, я выведу васъ изъ сомнѣнія. „Минона! эгопъ молодой человекъ тебя любитъ! Можешь ли ты ему вручить свое сердце?“

Лице красавицы покрылось стыдливымъ румянцемъ; склонивъ голову на грудь отца, она съ милою застенчивостію подала руку своему любезному. „Минона! — вскричалъ Лудвигъ, осыпая ея руку пламенными поцѣлуями, — кто можешь не почувствовать всего блаженства, которое общаешь любовь свою? Но я долженъ опъ него опказаться!“

Удивленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. „Розенпаль! дочь моя любитъ васъ!“ сказалъ Графъ въ сильномъ движеніи. —

„Знаю, — и клянусь любить ее до послѣдней минутой жизни моей.“

„Можетъ быть вы спыдились своего состоянiя?“ — Нимало! — отвѣчалъ Лудвигъ, опершись опъ слабости на кресла.

„Такъ что же? — возразилъ Графъ, — вы сумасшедшій или пресупникъ?“

„Лудвигъ! — сказала Минона прогашельнымъ голосомъ, подойдя къ нему съ робостию, — и ты увѣрялъ меня въ любви своей!“ — Такъ! — ангель непорочности, — я люблю, обожаю тебя. — Но — увы! — прости мнѣ, я жена — вопъ моя супруга!“ — Съ симъ словомъ онъ разодралъ свое плаще, и на груди его блеснулъ чернй крестъ Нѣмецкаго ордена. Минона упала въ объятiя маперы. — „Я невиненъ!“ — воскликнулъ Лудвигъ, бросаясь предъ нею на колѣни, и орошая горькими слезами руку неушвшной любовницы.

„Скрывши свое достоинство подъ именемъ художника, я думалъ предохранить твое сердце опъ зараждающейся спраски къ незнакомцу. — Нещасный! я не воображалъ тогда, что бы опкрытиемъ своего ордена могъ поразить снова оживающее твое сердце. Ужасное заблужденiе! эпомъ невинный обманъ для насъ пагубнѣе самой истины! Минона, свѣтъ жи-

зни моей, сестра возлюбленная, въ послѣдній разъ умоляю тебя о прощеніи! Могъ ли я сопровивляться твоимъ прелестямъ? Могъ ли не любить тебя?“

Какое сердце не пронется такою сценою? — Гнѣвъ Графа превратился въ слезы. „Я всему виновенъ, — сказалъ онъ съ гореспїю, — я своимъ недоумѣніемъ сдѣлалъ васъ обоихъ несчастными! Когда вы, Лудвигъ, хотѣли открытъ мнѣ свою тайну, — я думалъ, что она касалась до вашихъ чувствъ къ Минонѣ, и потому желалъ поразить васъ признаніемъ моей дочери. — Но судьба меня самага жестоко поразила! — Розенталь, — скажите мнѣ — кто вы?“

„Графъ Лудвигъ Арбергъ, кавалеръ Нѣмецкаго ордена! . . . Я ѣздилъ въ Парижъ, при началѣ революціи, чтобы обезопасить доставшееся мнѣ во Франціи имѣніе; послѣ того изъ любви къ художествамъ путешествовалъ по Италїи, и наконецъ судьбою завлеченъ былъ въ вашъ замокъ, чтобы испытать величайшее мученіе въ жизни, — чтобы оправить гореспїю сердца Миноны, за счастье которой пролилъ бы послѣднюю каплю моей крови!“ . . .

Въ этотъ же самый день Графъ Лудвигъ распался съ печальнымъ семей-

спвомъ. — Душа его навсегда лишилась спокойствія ; жизнь казалась ему несноснымъ бременемъ ; онъ желалъ смерти , — и скоро нашель ее въ Рагузанской экспедиціи пропивъ Алжирцевъ. Ничто не могло утѣшить Минону въ потерѣ обожаемаго любовника ; она впала въ глубокую задумчивость , и увяла во цѣль дней своихъ. Горестнь сразила родителей. По кончинѣ ихъ Аделаида продала наслѣдственное имѣніе , и переселилась къ родственникамъ своимъ , Графамъ фонъ Тунъ , въ Богемію , гдѣ умерла дѣвицею посреди челоуѣколюбивыхъ и душеспасительныхъ занятій. Портретъ Графини , окованной цѣпями , и теперь находится въ Богеміи , въ галлерей замка Тецшенскаго. —

Г. Кругликовъ.

6) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывки изъ Поэмы:

ВОСПОМИНАНІЯ.

Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ сча-
спливый,

Подруга тихая печали молчаливой,
О память! — ты одна бесѣдуешь со мной,
Ты возвращаешь мнѣ опьяненное судьбой;
Тобою щасныя мгновенья легкокрылы
Давно пропекшія въ мечтахъ мнѣ снова
милы.

Еще въ забвеніи дышу опрадой ихъ;
Люблю, задумавшись, минувшихъ дней моихъ
Вспоминаю мечты надежды, наслажденья,
Минулы радости, минулы огорченья.
Не разъ волшебною взлѣбланный мечпой
Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ побой;
И въ дни щасливые на часъ перенесенный,
Дремалъ упоенный и съ жизнью при-
миранный.

Такъ, всею обязанъ я твоимъ при-
вѣстнымъ снамъ.

Тебя я пѣшь хочу; — дай жизнь моимъ спру-
намъ,

Цѣвницѣ впорь моей; — твоей голосъ серд-
цу вяшень,

И рѣзвой радости и грусти съ пріятень.

Ахъ ! кто о прежнихъ дняхъ порой не
вспоминалъ ?

Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ ?

Смогрише: — Вошь спарикъ сѣдой, изне-
моженный ,

На вепхихъ коспыляхъ подь ношей лѣшь
согбенный ,

Онъ съ жизнью сопряженъ спраданіемъ
однимъ ;

Уже могилы дверь опверста передь нимъ ; —

Но онъ живетъ еще ! — онъ помнитъ дни
зланыя !

Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя !

Съ шоварищемъ сѣдымъ, за чашей круговой,
Мечтаешъ о быломъ , и вновь цвѣпешъ
душой ;

Свѣплѣешъ взоръ его , весельемъ духъ
пылаешъ ,

И руку друга онъ съ воспоргомъ пожи-
маешъ.

.
.

Наскучивъ спранствіемъ и жизни сует-
ною ,

Усталый пруженикъ подь кровлею родною

Вкушаетъ сладоспный бездѣйспвія покой ;

Благодаритъ боговъ за мирный уголь свой ;

Забытый отъ людей блажитъ уединенье ,

Гдѣ отъ заботъ мѣрскихъ нашель отдох-
новенье ;

Но любитьъ воспоминашь онъ были преж-
 нихъ лѣтъ ,
 И море бурное , и столько жь бурный
 свѣтъ ,
 Мечтанья юности , воспорги сладо-
 спрастья ,
 Обманы радости и въпренаго щастья ;
 Милѣ кажешся ему родная сѣнь ,
 Покой оправдѣ , прїяшнѣй роци пѣнь ,
 Уединенная роскошнѣ природа ,
 И тихо шепчешь онъ : — “всего милѣй
 свобода !” —

О дѣпи памяти ! о Фебовы сыны !
 Пѣвцы безсмертные ! кому одолжены
 Вы силой пворческой небесныхъ вдохно-
 вейей ?

— „Опзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ
 виечашлѣннѣй.“ —

Они неопышнѣй развишь умѣли умъ ,
 Зажгли , пипали въ немъ , хранили пла-
 мень думъ .

Образовала васъ природа — не искусство ;
 Такъ , — чувствво выражашъ одно лишь мо-
 жеть чувство .

Когда вы кистїю волшебною своей
 Порывы бурные , волненїе спраслей
 Прелеспно , пламенно и вѣрно выражали ,
 Вы ошголоску ихъ въ самихъ себѣ внимали .
 Ахъ , сколькихъ споишь слезъ безсмертнѣй
 вѣнецъ !

. ,

Но все покоишься въ безмолвіи ночномъ,
 И вѣжди томныя сомкнулись спихимъ сномъ.
 Воспоминанія небесный, свѣплый Геній
 Къ намъ ниспускается на крыльяхъ сно-
 видѣній.

Въ плѣнипельныхъ мечпахъ, одушевлен-
 ныхъ имъ,

И къ играмъ и къ прудамъ обычнымъ мы
 спѣшимъ :

Паспухъ берешь свирѣль, — владѣлецъ ба-
 грянциу,

Художникъ киспъ свою, — поѣпъ свою
 цѣвницу,

Попомокъ рыцарей, взлелѣянный войной,
 Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ головой.

.

Доколѣ памяти живошворящей свѣплъ
 Еще не озарилъ туманной бездны лѣплъ,
 Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья;
 Все было жрпвою безгласнаго забвенья:
 Дѣла великія не славились молвой,
 Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ плѣплъ
 герой.

Преданья свѣплъ блеснулъ, — и камни гласъ
 пріяли,

Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возспали;
 Народы поздніе урокамъ внемлющъ ихъ,
 Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.

Кавказы дивныя! волшебныя картины!
 Свободный, гордый Римъ! блестящіе Аѳины!
 Великолѣпный рядъ прѣумфовъ и чешей!
 Съ какимъ волненіемъ внималъ я съ юныхъ
 дней

Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Фу-
 кидида!

Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида;
 Съ опцомъ Виргиніи опмщеніемъ пылалъ,
 Казалось грудь мою пронзилъ его-кинжалъ;
 И подданный Царя, защитникъ вѣрный
 прона,

Въ воспоргѣ препепалъ при имени Ка-
 пона.

.

Но любопытный умъ въ одной ли тѣмѣ
 преданій

Найдешь источникъ уроковъ и познаній? —
 Нѣтъ; все вокругъ меня гласитъ о пре-
 жнихъ дняхъ.

Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ,
 Я всюду шествую минувшимъ окруженный.
 Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной:
 И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ
 Рукою времени набросанныхъ громадъ.

Событїи прежнихъ лѣтъ свидѣтель мол-
чаливый

Со мной бесѣдуешь ихъ прахъ краснорѣ-
чивый.

Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы времени:

Смоприше, — видишешь дымится Карфагенъ!

Полнеба Африки пожарами пылаешь!

Съ пропяжнымъ грохотомъ Пальмира упа-
даешь!

Какъ волны дымныя бѣгущихъ облаковъ

Мелькають предо мной событїя вѣковъ.

Печать минувшаго повсюду мною зрима....

Поля Авзонїи! державный пепель Рима!

Глашатаи чудесь и славы прежнихъ лѣтъ!

Съ благословеньемъ васъ привѣтствуетъ
поэтъ.

Смоприше, — какъ вѣка незримо пролетая,

Твердыни древнїя и горы подавляя,

Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на
храмъ,

Остатки гордые являютъ Рима намъ.

Великолѣпныя, безсмертныя громады!

Вопъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водо-
пады;

Вопъ здѣсь входили въ Римъ когорты
Плебеянь,

Обремененныя богатствомъ дальнихъ
спранъ;

Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки,

Гдѣ начерталь рѣзецъ Римлянь дѣянья
громки.

Не смѣла времени разрушишь ихъ рука,
И возлегли на нихъ успалые вѣка.

Все, все вѣщаетъ здѣсь уму, воображенью.
Внимайте времени нѣмому поученью!

Познайте плѣнїя незыблемый законъ!

Изъ подъ развалинь сихъ вѣщаетъ глухо
онъ :

„Все гибнешъ, все падешъ, — и грады, и
державы“

О колыбель наукъ, величїя и славы!

Опчизна свѣшная героевъ и боговъ!

Святая Греція! теперь полпы рабовъ

Блуждаюшь на берегахъ божеспвенной Эл-
лады ;

Ко храму вепхому Дїаны иль Паллады

Шалашъ приспроидъ свой лѣнивый ры-
боловъ !

Ты-бъ не узналъ, Солонъ, спрану своихъ
опцовъ ;

Подъ чуждымъ скипетромъ главу она по-
никала ;

Никто не слышишь шамъ о подвигахъ
Перикла ; —

Все губишь , все мерспвишь невѣжеспва
яремъ.

Но не ужель для насъ языкъ развалинь
нѣмъ ?

Нѣтъ, нѣтъ, лишь понималъ умѣйше ихъ
молчанье, —

И новый мѣръ для васъ создастъ воспо-
минанье.

.
.

Щасливъ, щасливъ и пошъ, кому дано
судьбою

Опъ спранствѣй опдохнуть подъ кровлею
родною,

Увидѣть милую, священную спрану,
Гдѣ жизни онъ проведъ прекрасную весну,
Проведъ невинное, безоблачное дѣпство.

О край моихъ опцовъ! о мирное наслѣдство!

Всегда присущственны вы въ памяти моей:

И въ берегахъ крушыхъ сверкающій ручей,

И свѣтлые луга, и темныя дубравы,

И сельскихъ жипелей привѣпливыенравы.—

Пряшно вспоминать младенческіе дни.....

.
.
.

Когда, едва вздохнуть для жизни неизвѣ-
спной,

Я съ шихой радостью взглянулъ на мѣръ
прелесный, —

Съ какимъ воспоргомъ я природу обнималъ!

Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ! — Увы! по-
гда не зналъ

Я буйствѣнныхъ спрасшей въ безопасно-
сти невинной:

Дипя, взлелѣанный природою пустынной,
Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей;
Сіянье солнечныхъ, торжественныхъ лучей
Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;
Оно съ природою въ несчастье унывало;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ
другихъ,

За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;
Я слишкомъ щасливъ былъ спокойствіемъ
незнанья;

Блаженства чуждые и чуждые спраданыя
Часы невидимо мелькали надо мной.....

О суждено ли мнѣ увидѣть край родной,
Друзей оставленныхъ, друзей всегда лю-
бимыхъ,

И сердцемъ опдохнуть въ пѣни деревь
родимыхъ?...

Тамъ щастье я найду въ опрадной пи-
шинѣ.

Не нужны почести, не нужно злато мнѣ;—
Опдайте правдозъ мнѣ скромную обитель.
Забытый опъ людей, дубравъ безвѣстныхъ
жишель,

Не позавидую надмѣннымъ богачамъ;
Нѣшь, нѣшь, за щепетный блескъ я щасья
не опдамъ;

Не стану жертвовать форпунѣ своевольной.

Спокойный созвѣстью, судьбой своею доволь-
ный ,

И пѣсни нѣжныя, и мирный вѣмѣямъ

Я буду посвящаямъ опеческимъ богамъ.

Такъ перешедши жизнь незнаемой про-
пою ,

Свой подвигъ совершивъ, успалою главою

Склонюсь я наконецъ ко смертному одру;

Для дружбы, для любви, для памяти умру;

И все умреть со мной! — Но вы, любимцы

Феба ,

Вы вмѣстѣ съ жизнію принявше опѣ

Неба

И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней

даръ !

Враждующей судьбы не спрашенъ вамъ

ударъ:

Свой вѣкъ опередивъ , заранѣ слышишь

Геній

Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.

.
.

Е. Баратынскій.

Р О М А Н С Ъ.

Теперь узнала я о чемъ,
 Когда зефиры сладко дуюшь,
 Въ лѣсу прохладномъ и гуспомъ
 Такъ шомно голубки воркуюшь.

*

Теперь я поняла тебя,
 Цвѣца нѣги — филомела!
 Увы! я и самой себя
 До сей поры не разумѣла!

*

Не спалось вѣшней ночью мнѣ;
 Цвѣпы не мнѣ благоухали;
 Я днемъ ходила какъ во снѣ;
 Я вила въ сладоспной печали. —

*

Глядя на небо, на луну,
 Сквозь вѣпви сумрачной березы,
 На осребренную волну,
 Я часто проливала слезы! —

*

И красный мѣръ мнѣ скучень былъ,
 Весна меня не веселила:
 Но сколько свѣпшь съ шѣхъ поръ мнѣ миль,
 Какъ я Эраспа полюбила!

*

Съ тѣхъ поръ, какъ знаю я о чемъ,
 Когда зефиры сладко дуютъ,
 Въ лѣсу прохладномъ и густомъ
 Такъ нѣжно голубки воркуютъ!

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю; я любимъ; для сердца нужно вѣришь.
 Нѣшь, милая моя не можешь лицемѣришь;
 Все непришворно въ ней: желаній томный
 жаръ,
 Слыдливость робкая, Харитъ безцѣнный
 даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
 И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

А. П.

КЪ МОЕМУ ГЕНИЮ.

Приди, мой добрый, милый Геній,
 Приди бесѣдовать со мной!
 Мой вѣрный другъ въ пуши мученій,
 Единственный хранишель мой!

*

*

*

Съ побой уйду опть всѣхъ волненій,
 Опть свѣпа убѣгу съ побой,
 Опть шуму, скуки, принужденій!
 О, возврапи мнѣ мой покой!

* * *

Главу съ птяжелыми мечпами
 Хочу на грудь пвою склонить,
 И на груди пвоей слезами
 Больную душу облегчить! —

* * *

Не ты, не ты моимъ спрданьемъ
 Меня захочешь упрекать,
 Шупишь надъ шеплымъ упованьемъ,
 И сердце разумомъ терзаетъ!

* * *

Но было время — раздѣленья
 Опть брапій ждалъ я, опть друзей; —
 За чѣмъ поски и наслажденья
 Я не берегъ опть ихъ очей!

* * *

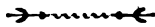
Безмолвный спражъ моей свяпыни, —
 Я спану жипь въ одномъ себѣ:
 О ней я говорю опнынѣ,
 Хранишель, одному шебѣ!

* * *

О ней! ее я обожаю,
 Ей жизнь хопѣлъ бы я опдать!
 Чего же я, чего желаю?
 Чего желашъ? — любипь, спрадашъ! —

Приди, — о ты, мой добрый Геній,
 Приди бесѣдовать со мной,
 Мой вѣрный другъ въ пути мученій,
 Единственный спутникъ мой!

(1818.) *Вильгельмъ Кюхельбекеръ.*

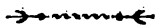
Б Р А Т У

П Р И О Т Ъ Ъ З Д Ъ В Ъ А Р М І Ю.

И такъ безпечнаго досуга
 Отвергнувъ сладостный покой,
 Ужь ты въ мечтахъ покинулъ друга,
 И новый путь передъ тобой!
 Надвинувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ
 Лепишь на голосъ славы бранной.
 Иди — воинственный нарядъ
 Приличень юности отважной;
 Люблю я пушекъ гулъ пропьянной,
 Люблю красивой вахипарадъ,
 Люблю пипомцевъ шумной славы! —
 Смощи, — сомкнулись въ бранный строй;
 Идущъ; — блестящей полосой
 Горящъ ихъ шлемы величавы —
 Идущъ; — вскипѣлъ кровавый бой!
 Люблю ихъ видѣшь въ битвѣ шумной,
 Лещащихъ въ пламень роковой

Толпой отважной и безумной.
 И вопль, подъ шѣнїю шапrowsъ,
 Дружина вѣпренныхъ героевъ
 Поешь за чашей славу боевъ
 И спыдъ низложенныхъ враговъ.
 Спѣши же къ нимъ, любовникъ брани,
 Спупай, служи богинѣ бѣдъ; —
 И къ ней съ мольбою швой поэпъ
 Подыметъ препенныя длани.
 Зовушь! — лепи въ опасный пупъ;
 Да идепъ мимо рокъ — губишель!
 Люби, рубись и вѣчно будъ
 Въ любви и въ брани побѣдшель.

Е. Баратынскій.

Э Л Е Г И Я.

Уже ли близокъ часъ свиданья!
 Тебя ль мой другъ увижу я!
 Какъ грудь волнуется моя
 Тоскою смушной ожиданья!
 Родная хапа, край родной,
 Съ пеленъ знакомыя дубравы,
 Куда невинныя забавы
 Слешались къ намъ на голось швой —
 Я ихъ увижу! другъ безцѣнный,
 Чшоожъ сердце вѣщее грусшишь?

Чпожь ясный день не веселишь
 Души для щасья пробужденной!
 Съ тоской на радость я гляжу:
 Не для меня ея сїянье!
 И я напрасно упованье
 Въ душѣ измученной бужу.
 Печаль всѣ чувства утѣмила,
 Мечтою мрачной боленъ духъ;
 Бышь можешь, поздно милой другъ,
 Меня и радость посѣпила:
 Я наслаждаюсь не вполнѣ
 Ея плѣнительной улыбкой;
 Все мнился, щаспливъ я ошибкой,
 И не къ лицу веселье мнѣ!

Е. Баратынскій.

Б А С Н И.

Л и с и ц а и О с е л ь.

„Скажи мнѣ, кумушка,—осель лису спросиль,—
 „Какъ ты у всѣхъ звѣрей попала въ ува-
 женье?
 „Левъ въ судъ себя главой надъ всѣми
 посадиль,
 „А слонъ своимъ умомъ работаешь въ
 правленьи;

- „Ну словомъ шакъ сказать —
 „Законы всѣмъ звѣрямъ ты можешь предпри-
 сать!“
- „И, бапюшка! — ослу лисица ошвѣчаетъ —
 „Задачу мудреноль пакую мнѣ рѣшишь:
 „Вѣдь умной всегда глупцами обладаетъ!
 „Попробуй, на примѣръ, кой-что ты со-
 чинишь!“ . . .
- „Да не за что шеперь мнѣ, кумушка, при-
 няться;
- „Куда ни оглянись — вездѣ умомъ гордящся:
 „Козель недавно пупъ къ Парнассу про-
 шоппаль ,
- „Маршышка панцами приводитъ въ уди-
 вленье ,
- „А волкъ при мнѣ — мораль ягняшоткамъ
 чипаль!“ —
- „Ну, — что же за бѣда! — вѣдь эпо все
 пустякъ!
- „И ты бышь мудрецомъ здѣсь можешь
 безъ сомнѣнья!“ —
- „Да какъ?“ —
- „А вопшь, сосѣдушка, начни-ко ты для славы
 Описываешь мїровъ небесные устави!“ —
- „Для эпого , кума , попребенъ умъ боль-
 шой ,
- „А роскоши пакой во мнѣ и не бывало!“ —
- „Да шупшь-то и писаешь! — за чемъ же дѣло
 спало:

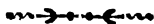
„Вѣдь умный звѣрь береть всегда не свысока,
 „Предмешь — хопя проспой опишеть
 превосходно;
 „Такъ глупымъ и должно лепать за облака;
 „Осламъ не о своемъ сужденъе очень сродно!“ —

Кумы совѣшу внявъ—сосѣдъ спалъ аспрономъ.

Сперва онъ былъ глупецъ,—но только
 межъ ослами;

Теперь же сдѣлался — ученымъ дуракомъ
 И между прочими звѣрями.

К.

МАРТЫШКА и ЛИСИЦА.

„Таланшу моему должна ты удивляться:“
 (Мартышка такъ лисѣ изволила сказаць)
 „Я свойствамъ всѣхъ звѣрей умѣю подражать!“ . . . —

— „Все эшо можеть спашься;“
 Но вошь, сестрица, въ чемъ разсѣй мое незнанье;
 Скажи, кто жь сдѣлаеть мартышкѣ подражанье ?

* * * *

ЭПИТАФИЯ

Всеобщему стряпчему Злослову.

Для денегъ каждому служилъ и угождалъ;
А даромъ дѣлалъ — чпо? ругалъ.

* * *

ЭПИГРАММЫ.

1.

Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ,
Люблю я милаго собрата;
Не виноватъ предъ свѣтомъ онъ —
Предъ нимъ природа виновата!

Е. В ий.

2.

Прошелъ попъ вѣкъ, когда въ владѣнне
скромныхъ фей,
И горы страшныя рождали лишь мышей;
А мы иперь, друзья, живемъ въ шаковую пору,
Гдѣ каждый мышъ — поэтъ родитъ мечшаешь
гору !!

Г. К . . . ъ.

V. КРИТИКА.

О КРИТИКѢ ВООБЩЕ.

Neminem laedere, suum cuique tribuere.

Извѣщая публику объ опытахъ литературныхъ и критическихъ разсужденій, мы прежде всего желаемъ обратить ея вниманіе на самый ихъ предметъ и средства, которыми постараемся заслужить благосклонность нашихъ читателей.

Такое предувѣдомленіе намъ болѣе необходимо, чѣмъ пруднѣе вступить съ опроверженностью и безпристрастіемъ на обширное поле соспязаній, — гдѣ мы чаще всего видимъ сильныя нападенія зависти и злобы, и рѣдко побѣду истины.

Мы не дѣлаемъ почнаго опредѣленія критики. Она не имѣетъ твердыхъ началъ и приложений; гораздо бы легче было объяснить мнимый, нежели настоящій ея характеръ; — доказательствомъ тому примѣры худой и ложной критики. — Не думаемъ также предлагать образецъ и покарять общему закону эту совершенную свободу мнѣній и вкуса, которая всегда была удѣломъ невѣжества и просвѣщенія. Ограничимся единственно изъясненіемъ

того, что разумѣемъ подѣ криптикою; это послужитъ основаніемъ наспоющаго шруда.

Чтобы имѣть почное понятіе о существѣ и свойствахъ истинной криптики, надобно, по нашему мнѣнію, разсмотрѣть ее въ трехъ отношеніяхъ: по ея *нагалу*, *предмету* и *средствамъ*.

Критика, сама по себѣ и въ обширномъ ея значеніи, есть ничто иное, какъ *сужденіе о произведеніяхъ теловѣческаго разума*.

Всякое твореніе ума, — если оно достойно того божественнаго источника, откуда получило свое начало, — должно имѣть цѣлю распространеніе и усовершенствованіе познаній, т. е. разумныхъ и нравственныхъ наслажденій чловѣческаго рода. Раскроемъ Исторію художествъ, наукъ изящныхъ знаній; мы вездѣ найдемъ ту великую истину, что умъ достигалъ безсмертія такими только произведеніями, которыя занимали собою весь родъ чловѣческой, — или лучше сказать, — которыхъ содержаніемъ были благородныя и возвышенныя идеи, героическіе или божественные подвиги касательно религіи и нравственности.

Вся древность съ благоговѣніемъ признавала сію истину, и потому особенно

предпочишала искусства, что онѣ назначены были къ воспѣванію хвалы боговъ и славы героевъ.

И въ наши времена не лзя усумнишь-ся въ существенности онаго начала, — се-го верховнаго судіи произведеній челоѣ-ческаго разума. Примѣромъ тому без-смертныя шворенія духа христіанства, которыя одерживаютъ верхъ надъ всѣми ложными мнѣніями, и опкрываютъ ошиб-ки вѣка сего. — Посреди всѣхъ скоропре-ходящихъ сочиненій, Италія всегда будетъ съ воспоргомъ внимать Тассу, Франція — удивляться величественной Говоліи, Ан-глія — трепетать при чтеніи Мильтона, Германія — возвышаться духомъ Мессіады.

Ежели пу истину — что *все, не въ добро теловѣку и не во славу Божества произведенное, преидетъ въ ниспоже-ство*, — принявъ за непремѣнный за-конъ наукъ и художествъ, за опличитель-ный характеръ, который мститъ совре-менникамъ за забвеніе истиннаго досто-инства, если наконецъ принявъ ее за вѣ-чное правило крипки времени; — то на какихъ началахъ должно основываться суж-деніе о произведеніяхъ ума челоѣческаго?

Проложивъ раждающемуся таланту дорогу къ истинѣ и познанію обществен-

наго блага, — ободрить его первые успѣхи, — поддержать мнѣнїе публики о насипящемъ достоинствѣ липперапуры, и особенно опечесивенной, — отвлечь слабые, заблудшіе умы опть тѣхъ авпоровъ, копорые соблазняютъ красонами ихъ слога и блескомъ ложныхъ мыслей, — обратишь ихъ вниманїе къ тѣмъ героямъ древней и новой липперапуры, копорые съ непорочною славою проходили свое поприще, — наконецъ, — исправлять голосомъ крошеспи писателей, увлеченныхъ вихремъ времени, — сражаться оружіемъ разума и справедливости съ умами злонамѣренными, — поражать спрѣлами краснорѣчїя разсѣвателей правилъ, пропивныхъ общественному порядку, — вопть должностъ испынной кришики, — вопть занятіе, достойное благомыслящаго человекъ, друга порядка и правды.

Кришика, разсмаприваемая съ сей почки зрѣнїя, еспь по, чемъ бы ей надлежало бытъ, и чемъ она, къ сожалѣнїю, никогда не будетъ. Тиранство вкуса, и господство предразсудковъ — вопть непреодолимая преграды. — Да будетъ намъ позволено призваъ въ семъ случаѣ безприсраспное сужденїе нашихъ чипапелей, и особенно тѣхъ, копорые занимались разборомъ сочиненїй.

Гдѣ образецъ, гдѣ пробный камень, которому бы можно было подвергнуть произведенія липпералпуры, не опасаясь оскорбить истину и впасъ въ предразсудки и погрѣшности? Безъ сомнѣнія приведемъ намъ въ примѣръ какогонибудь писателя, почишаемаго господствующимъ въ области кришики; — или — призовемъ насъ въ судилище вкуса? Но гдѣ по уложенію, по которому они произносятъ свои приговоры? — Есть ли такое законодательство, которое могло бы служить правиломъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ?

Буало показалъ погрѣшности, которыхъ должны избѣгать поэты, — Винкельманъ проникъ въ нѣкоторыя таинства магіи искусствъ; — но гдѣ найдемъ насущное и строгое употребленіе тѣхъ правилъ, которыхъ существованіе душа понимаетъ, но разумъ не можетъ изобразить ни въ письменахъ, ни въ ошпечкахъ?

Повторимъ. — Кришика не есть приговоръ мнѣній, нераздѣльных со вкусомъ, или лучше сказать, — не есть поле сраженія для страстей и безпокойнаго духа; но сужденіе положительное и непоколебимое

о всемъ, что изячно, полезно, — или худо, развращено въ сочиненіи.

Никто не можетъ возразить, что бы правила, — которыми мы будемъ слѣдовать въ нашихъ изысканіяхъ, и которыми будемъ основаніемъ нашихъ мнѣній, — были мало извѣстны, непрочны и неопредѣлительны. Вѣчное уложеніе истины, доказанныхъ опытомъ и утвержденныхъ высшею властію, — вотъ книга, съ которой мы будемъ постоянно совѣщываться во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, — вотъ, по нашему мнѣнію, единственное законодательство хорошей криптики.

Такимъ образомъ принявши одинъ разъ сіе начало, мы облегчимъ себѣ трудъ въ объясненіи тѣхъ предметовъ, на которые будемъ постепенно обращать наше вниманіе, и которыми постараемся занять нашихъ читателей.

Обширное поле человеческихъ познаній, или, — какъ мы прежде сказали, — разумныхъ и нравственныхъ наслажденій, все пространство наукъ, художествъ и изящной словесности — вотъ область криптики.

Духъ раздѣленія, — который раздробляетъ на части попому, что не умѣешь соединить ихъ, и часто разрушаетъ, не

будучи въ силахъ создать что нибудь, — усманивъ двоякую криптику: для произведеній *утилиты*, и — *литтературы*, въ собственномъ ея значеніи.

Не нужно объяснять здѣсь, для чего такое раздѣленіе не будетъ наблюдаемо въ продолженіи сего пруда. Покажемъ, что есть изящное и полезное въ отношеніи къ нравственности и *литтературѣ*, — вотъ наша обязанность.

Да не подумаюшь, чтобы предложенныя нами начала исключали изъ сего пруда произведенія пріятныя, прелестныя чадъ досуга и воображенія. Напрощивъ, — на нихъ по болѣе постараемся обратишь вниманіе читателей; — ихъ-то особенно подвергнемъ тому камню испытанія, которой поэтъ назвалъ однимъ словомъ: *utile miscere dulci*.

Мы не коснемся до сочиненій, назначенныхъ для святилища наукъ; но придемъ единственно къ тому, — повторимъ, — что особенно поражаетъ взоры публики, и дѣйствуетъ исключительно на умъ и сужденіе большаго свѣта.

Вотъ предметы, которые послужатъ содержаніемъ для нашей криптики. Теперь оспасаемъ только сказать о средствахъ, какія будутъ употреблены ею. Они про-

испекаюмъ по большой части изъ самой напуры пѣхъ предметовъ, которые мы намѣрены объяснить:

Иностранная словесность составитъ равно поучительную и пріятную маперію для нашихъ изслѣдованій. Разбирая классическихъ авторовъ, мы часто будемъ имѣть случай представлять средства для обогащенія и усовершенствованія словесности отечественной. Разсужденія, — которыми дадимъ мѣсто въ нашихъ изысканіяхъ первоначальнаго составленія языка и употребовъ слова у различныхъ народовъ, споящихъ теперь на первой степени просвѣщенія, — можетъ быть послужатъ къ открытію нѣкотораго сходства, чтобъ очистить и исчерпать языкъ нашихъ предковъ, — удалить отъ него вліяніе нарѣчій иностранныхъ, и дать ему образованіе историческое и національное.

Наконецъ сочиненія современные, — которыми также постараемся занимать читателей, — доставятъ намъ случай — обозрѣвать время отъ времени настоящее состояніе и поспешенный ходъ разумаго и правдиваго образованія Европейскихъ народовъ.

Почтишь истину, утвердишь престоль благой причины въ царствѣ мыслей, — вотъ цѣль настоящихъ трудовъ, — вотъ правило, руководитель нашихъ изслѣдованій, о которомъ мы почти обязанно извѣстимъ читателей, прежде нежели вступимъ на поприще критики. — Оно ручается за благонамѣренность автора, и — можетъ быть, доставитъ ему благосклонную довѣренность публики. —

Б. Б.

VI. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВЪ
ЖИЗНЬ ЛЕОНАРДА ДА ВИНЧИ, ГЛАВЫ
ФЛОРЕНТИНСКОЙ ШКОЛЫ.

Вѣкъ возрожденія живописнаго искусства въ Италїи произвелъ мужей, копорые пребудушъ образцами для художниковъ всѣхъ послѣдующихъ временъ. Объ нихъ можно сказать, что они первые покорили и какъ бы очаровали дикую натуру волшебствомъ своимъ, — или, что они первые изсѣкли искры искусства изъ смѣшеннаго шворенія. Каждый изъ нихъ блисталъ собственными, отличными совершенствами, а нѣкоторые даже заслужили себѣ жертвенники, во храмѣ художествъ.

Изъ сихъ-то мужей я преимущественно избралъ главу Флорентинской школы, Леонарда да Винчи, что бы въ жизни его представить художникамъ образецъ настоящаго и основательнаго изученія искусства, сопряженнаго съ неупомимымъ прилѣжаніемъ и отличными дарованіями. Изъ ея описанія посвятившіе себя живописи увидатъ, что для совершенства въ оной не довольно пріучать свою руку легко и искусно водить кистию;

но надобно присоединить къ тому глубоко-мыслие — точное познаніе изящныхъ красотъ, разбѣянныхъ въ природѣ, и ипаче, совокуплять ихъ въ одно цѣлое. Такой примѣръ научить ихъ, что Геній искусства охотно дружится съ важною Минервою; и что въ великой, открытой душѣ, — хотя бы она стремилась къ одной главной цѣли, — весь многосложный образъ человѣческаго знанія отражается въ прекрасной и совершенной гармоніи.

Мужъ, о которомъ здѣсь говоримъ, родился въ мѣстечкѣ Винчи, лежащемъ въ долинѣ при Арно, не далеко отъ великолѣпнаго города Флоренціи. Опышныя способности и острота ума, наслѣдованныя имъ отъ самой природы, появились въ немъ еще въ отроческихъ лѣтахъ, и ясно обнаруживались въ неспрѣхъ фигурахъ, которыхъ дѣтская рука его черпила для забавы. Это было какъ бы первымъ источникомъ ручья, который послѣ превращается въ стремительную, всеувлекающую рѣку. Опышный не задерживаетъ воду въ печеніи, — ибо она прорветъ всѣ насыпи и плотины; — но даетъ ей полную волю. Такъ поступилъ отецъ Леонардовъ: онъ предоспавилъ сына природной его склонности, и отдалъ его въ ученіе

къ весьма знаменитому и почтенному мужу; Андрею Вероккю, жившему во Флоренціи.

Но увы! кому извѣстны, — кто произносишь еще между нами сїи имена, кошорыя погда сїяли какъ звѣзды на небѣ? Онѣ сокрылись; и объ нихъ ничего болве не слышно; — даже не знаютъ, существовали ли онѣ когда нибудь!

Андрей Вероккю не принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ художниковъ. Онъ былъ предавъ священному прирѣоліуму всѣхъ образовательныхъ искусствъ; живописи, ваянію и зодчеству; — ибо въ погдашнїя времена не почиалось за необыкновенное, что одинъ человекъ могъ соединяшь въ душѣ своей любовь и способности къ премоу художествамъ. Вероккю кромѣ того имѣлъ математическія свѣдѣнїя; и очень любилъ музыку. Можеть бышь примѣръ его весьма много дѣйствоваль на душу Леонарда; въ кошорой заключались зародыши ко всему изящному.

Къ изученію всякаго образовательнаго искусства; — даже если оно должно изображашь важные или печальные предметы, — попребень живой и дѣятельной характеръ; ибо совершенное произведеніе бываеть обыкновенно плодомъ долговремен-

ныхъ прудовъ; унылый же, скрытный характеръ не имѣеть къ тому ни склонности и охоты, ни мужества и постоыанства. Молодой Леонардо обладалъ живымъ, предпримчивымъ духомъ; онъ упражнялся не только съ ревностію въ рисованіи и накладованіи красокъ, но и въ ваяніи; во время же досуга игралъ на скрипкѣ и занимался пѣніемъ. Къ чему многообъемлющій его умъ ни обращался, всегда Музы и Граціи вспрѣчали его съ распростертыми объятіями, какъ своего любимца, и увлекали въ свою атмосферу, такъ что онъ въ самые часы отдохновенія не вступалъ на поприще повседневной жизни. Но изъ всѣхъ занятій ближайшее къ его сердцу было — живопись; и къ спыду своего учителя онъ въ короткое время такъ успѣлъ въ оной, что превзошелъ его самаго. Вопъ доказательство, что искусство не заимствуется опъ ученія; но происходитъ изъ собственной души, если она къ тому направлена.

Леонардо имѣлъ плодовитое, богатое воображеніе, которое, въ самыхъ юношескихъ его лѣтахъ, вмѣсто обыкновенныхъ, незначущихъ подражаній, произвело собственные чрезмѣрные, даже слишкомъ роскошныя и спранныя карпины. Такъ

однажды изобразилъ онъ праотцевъ челоѣческаго рода въ раю, которъй украсилъ сподь удивительными и по виду необыкновенными живописными, сподь многоразличными расцѣвнѣями и деревьями, что нельзя было довольно надивиться богатству его воображенія, и насыпишь взоры разсмаприваніемъ чудесныхъ предметовъ. Еще удивительнѣе была голова Медузы, которую онъ написалъ нѣкогда на деревянномъ щитѣ для одного крестьянина: онъ составилъ ее изъ членовъ всѣхъ опврапительныхъ гадовъ и пресмыкающихся, такъ что ничего ужаснѣе не возможно было себѣ представить. Опытность лѣпшъ привела послѣ въ порядокъ сію дикость и необузданную роскошь его воображенія.

Теперь обращаюсь къ главному предмету: хочу сдѣлать начертаніе всеобъемлющаго таланна сего великаго художника, и показать, какими путями достигъ онъ цѣли своихъ желаній.

Въ живописи онъ стремился съ неутомимымъ рвеніемъ къ возможному совершенству, и не въ одномъ, но во всѣхъ родахъ. Къ таинству управлялъ кистію онъ присоединилъ самое тщательное наблюденіе, которое, подобно генію, руководило его чрезъ всѣ явленія жизни, и до-

спавляло ему средства на всѣхъ путяхъ собирать прекраснѣйшіе плоды для любимаго имъ искусства. Такимъ образомъ онъ самъ могъ служить лучшимъ примѣромъ къ иѣмъ поученіямъ, какія сообщаетъ намъ въ своемъ превосходномъ твореніи о живописи, (*Trattato della Pittura*), именно: что живописецъ долженъ сдѣлать себя *общимъ*, и не всѣ вещи изображать однимъ изученнымъ пріемомъ кисти, но каждую по ея особеннымъ качествамъ; и далѣе: что не надобно быть привязану къ одному образцовому художнику, но надлежитъ свободно изслѣдывать напугу во всемъ ея существѣ; ибо въ прошивномъ случаѣ заслужишь названіе внука, но не сына природы.

Изъ сего же сочиненія, — которое изъ всѣхъ его ученыхъ трудовъ одно только сохранилось для свѣта, и по справедливости можешь быть названо золотою книгою Леонарда, — обнаруживается, съ какимъ глубокомысліемъ соединялъ онъ всегда ученіе и правила искусства съ практикою онаго. Онъ споль хорошо зналъ свойство человеческого тѣла во всѣхъ возможныхъ его оборотахъ и положеніяхъ, какъ будто бы самъ создалъ его; каждая фигура имѣла у него самое приличное и

ясное знаменованіе касательно тѣлесныхъ и душевныхъ движеній. Ибо каждое произведеніе искусства, — какъ онъ и самъ даетъ разумѣнь въ своей книгѣ, — должно говорить двойкимъ языкомъ: — тѣла и души. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ даетъ руководство, какъ должно писать сраженіе морскую бурю, большое собраніе; и въ семъ случаѣ его воображеніе столь живо и дѣятельно, что оно описываемый предметъ, какъ бы наяву представляетъ глазамъ читателя.

Леонардо зналъ, что вдохновеніе художника есть совсемъ не то, что воспоргъ поэта. Оно не рождаетъ чадъ воображенія; напротивъ духъ искусства долженъ болѣе носиться уединенно внѣ себя, созерцать всѣ виды шворенія съ отличнымъ глубокомысліемъ, и сберегать въ хранилищѣ памяти ихъ формы и отпечатки; такъ что бы художникъ, еще предъ начатіемъ работы, имѣлъ всѣ потребныя къ оной вещи въ своемъ воображеніи. Леонардо никогда не ходилъ безъ записной книжки; каждый его взоръ по всюду находилъ жершву для его музыки. Тогда только можно сказать о художникѣ, что онъ воспламененъ и проникнутъ духомъ искусства, — если все покоряется его главной

склонности. Таковъ былъ Леонардо: каждая красивая часть, мгновенная позиція или поворотъ шѣла, — словомъ, все что только гдѣ нибудь случалось ему видѣть особеннаго въ чловѣкѣ, дѣлалось добычею его наблюдательнаго духа и обогащало его сокровище. Особенно ему нравились странные лица съ отличными волосами и бородою; почему онъ иногда до шѣхъ поръ ходилъ въ слѣдъ за такими людьми, пока могъ запомнить всѣ ихъ черты; и потомъ рисовалъ ихъ у себя дома такъ сходственно, какъ бы съ самой натурой. Онъ часто бывалъ непримѣннымъ зрителемъ ссоры или жаркихъ разговоровъ, чтобы замѣтить, какія тогда происходили измѣненія въ чертахъ лица, и по обыкновенію дѣлалъ у себя вѣрныя съ нихъ копіи. Даже онъ часто посѣщалъ развалины, и тамъ, въ забвеніи самаго себя, разсматривалъ древнія слѣды и камни, на которыхъ игра времени отражалась въ разныхъ удивительныхъ фигурахъ и цвѣтахъ. Тогда внезапно возникали въ его душѣ удивительныя идеи о ландшафтѣ, сраженіяхъ и проч. И потому — то онъ совѣщаетъ въ своей книгѣ разсматривать со вниманіемъ подобные предметы, ибо оныя часто поощряють умъ къ изобрѣ-

пенію. — Изъ всего нами сказаннаго можно видѣть, какимъ образомъ необыкновенный и ни къмъ послѣ недостижимый геній Леонарда умѣлъ извлекать пользу изъ вѣхъ даже самыхъ маловажныхъ и незначущихъ вещей.

Въ наукѣ живописи можетъ быть не было ни одного художника ученбе и опытнибе его. Познаніе внутреннихъ частей чловѣческаго тѣла и всего устроенія сей удивительной машины, — познаніе свѣта и красокъ и ихъ взаимнаго содѣйствія и связи, — ученіе о соразмѣрностяхъ, по которымъ вещи въ отдаленіи кажутся менше и слабѣе; — всѣ сіи свѣдѣнія, принадлежація къ истинному, коренному основанію искусства, онъ обнималъ во всей ихъ точности и пространствѣ.

Мы уже сказали, что онъ былъ не только великій живописецъ, но хорошій ваятель и отличный архитекторъ; свѣдущъ во вѣхъ частяхъ математики, глубокой знающъ музыки, пріятный пѣвецъ, игрокъ на скрипкѣ, остроумный поэтъ, — словомъ, — еслибъ онъ жилъ въ баснословныя времена, то бы конечно почли его за сына Аполлонова. Даже онъ любилъ

упражняшья въ такихъ искусствахъ, которыя со всемъ находились внѣ его круга. Напримѣръ, онъ такъ хорошо вѣдиль верхомъ и дрался на шпагахъ, что незнающій его могъ подумать, будто онъ всю жизнь свою исключительно тѣмъ занимался. Кромѣ того, онъ такъ былъ свѣдущъ въ механикѣ и таинственныхъ силахъ природы, что однажды при поржественномъ случаѣ сдѣлалъ изъ дерева фигуру льва, который самъ собою двигался; въ другой разъ онъ составилъ изъ какого-то вещества небольшихъ птицъ, которыя сами собою взлетали на воздухъ. Такимъ образомъ духъ Леонарда имѣлъ врожденную склонность изобрѣтать что нибудь новое, и это самое содержало его въ безпрестанной дѣятельности и напряженіи. Но всѣ отличныя его дарованія еще болѣе возвышались благороднымъ и привлекательнымъ его характеромъ, подобно какъ драгоценныя камни обложенныя золомъ. Природа, казалось, была къ нему слишкомъ благосклонною и щедрою: чтобъ заславить и самыя просныя умы удивляшья ея любимцу, она одарила его чрезвычайною тѣлесною силою и такою наружностію, которая въ каждомъ поселяла къ нему любовь и почтеніе.

Дворъ Медѳоланскаго Герцога, Лудовика Сфорзо, былъ главнымъ поприщемъ, на комъ Леонардо да Винчи, какъ президентъ Академіи, развилъ всѣ блестящія свои способности. Здѣсь - то онъ прославился своими картинами и статуями; здѣсь-то распространилъ хорошій вкусъ въ снрое-ніяхъ; былъ шоржественно принятъ въ число виршуозовъ по своей игрѣ на скрипкѣ; провелъ съ великимъ искусствомъ трудный каналъ чрезъ горы и долины, — и такимъ образомъ соединялъ въ лицѣ своемъ почти всю Академію изящныхъ художествъ. Прежде начатія канала онъ отправился въ Вальверолу, мызу, принадлежавшую одному изъ знаменитыхъ его друзей, и тамъ подъ покровительствомъ сельской музы вникалъ съ опличнымъ спараніемъ въ математическую часть архитектуры. Въ семъ мирномъ жилищѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, безпрестанно занимался съ философическимъ духомъ всѣми науками, потребными для основательной теоріи образовательныхъ искусствъ, и — такъ сказать — шерялся въ своихъ глубокихъ изысканіяхъ. Занимаясь съ неупомимымъ прилѣжаніемъ, онъ совершенно забылъ самаго себя, опроспилъ волосы и бороду такъ, что его можно было почесать за

пустынника ; и въ семь-то чрезмѣрномъ пристрастїи къ наукамъ полагающъ причину, для которой онъ не хотѣлъ вступаъ въ бракъ. — Во время своего пребыванїя въ сельскомъ уединенїи онъ начерталъ главныя правила живописи, обогатилъ ихъ своими примѣчанїями, остроумными мыслями и наблюденїями; сїе сочиненїе, писанное собственною его рукою, находится и понынѣ въ большой Амврозїанской библіотекѣ въ Медіоланѣ.

Перо мое не въ состоянїи изобразить всѣхъ красотъ, находящихся во многихъ картинахъ Леонарда. Первосходнѣйшимъ его творенїемъ почитается *Тайная вечеря*, написанная имъ въ рефекторїумѣ Доминиканцевъ въ Медіоланѣ. Особенно удивляются въ ней выразительности въ лицахъ Апостоловъ; каждый изъ нихъ, кажется, вопрошаетъ своего Божественнаго Учителья: „Господи! не азъ ли?“ Древнїе собиратели анекдотовъ рассказываютъ, что Леонардо, окончивъ прочїя фигуры, долго медлилъ и находился въ недоумѣнїи, (или лучше сказать, ожидалъ насильнаго вдохновенїя), какъ бы совершеннѣе изобразить измѣническое лице Иуды и Божественный зракъ Спасителя; при чемъ настоятель монастыря оказалъ все свое невѣжество,

понуждая Леонарда къ работѣ, какъ поденщика (*).

Упомяну еще объ одной картинѣ Леонарда, для одного примѣчательнаго обстоятельства. Я разумѣю портретъ Элизы дель Жюкондо, надъ которымъ онъ прудился чепыре года, опдѣлалъ съ величайшимъ стараніемъ каждый волосокъ, и при всемъ томъ сохранилъ всю живосшь цѣлаго. Всякой разъ, списывая съ сей дамы, онъ призывалъ музыкантовъ, которые своею игрою и пѣніемъ должны были развеселять ее. Не лзя не удивляться сей оспрой выдумкѣ Леонарда. Онъ зналъ что особы, съ которыхъ снимають портреты, будучи принуждены сидѣть въ праздномъ положеніи, — обыкновенно имѣють какую-то сухую важность на лицѣ, и что такая мина была бы въ картинѣ непріятна. Онъ зналъ также, что веселая музыка производитъ подобное чувство въ душѣ человека, которое, отражаясь въ чертахъ его лица, придаетъ ему болѣе игры и живоспи. Такимъ образомъ сей великій художникъ

(*) Нѣкоторые прибавляють къ сему, что художникъ, раздраженный грубымъ обхожденіемъ насоятеля представилъ его въ лицѣ Іуды. — Впрочемъ благородство души Леонардовой заставляетъ въ этомъ сомнѣваться.

умѣлъ употреблять одно искусство къ пользѣ другаго.

Сколь велика была слава Леонарда во время его жизни, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ одномъ Флорентинскомъ монастырѣ онъ начерпалъ эскизъ для большаго образа; вскорѣ по всему городу разнеслась о томъ такая молва, что жители многочисленными толпами два дни сряду ходили въ монастырь, любопытствуя посмотреть произведеніе знаменитаго художника.

Когда Лудовикъ Сфорза, замѣшавшись въ войну съ Карломъ V, претерпѣлъ совершенное пораженіе, и Академія въ Медіоланѣ была вовсе уничтожена, тогда Леонардъ да Винчи переселился опять во Флоренцію, откуда уже въ глубокой своей старости былъ вызванъ во Францію Королемъ Францискомъ I.

Сей Монархъ чрезвычайно уважалъ его и принялъ семидесяти-пятилѣтняго старца съ отличною благосклонностію. Но судьбѣ не угодно было продлить жизнь его въ сей новой землѣ. Безпокойства въ путешествіи и различіе климата причинили ему болѣзнь, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Парижъ. Король часто навѣщалъ его, и прилагалъ объ немъ всевозможное спа-

раніе. Въ одинъ день онъ пришелъ къ больному шарцу; сей хотѣлъ приподняться, съ постели, чибобъ поблагодарить Монарха, но онъ напряженія впалъ въ шакую слабость, чино Король принужденъ былъ поддерживать его своими руками, — и въ семь положеніи Леонардо испустилъ послѣдній вздохъ доспославной своей жизни.

Если блескъ коронъ еспь пошь благопворный свѣпъ, копорый болѣе всего вспомошествоуетъ созрѣнію искусствъ, по сцену Леонардовой кончины можно въ нѣкоторомъ отношеніи почесъ апоѳеозою сего художника; по крайней мѣрѣ Chesъ — умереть на рукахъ Государя — должна казаться въ глазахъ свѣла достойною наградою за всѣ дѣла сего великаго мужа.

Н. Рашковъ.

VII. С М Ъ С Ъ.

Ж и з н ь Ш и л л е р а .

Фридрихъ Шиллеръ родился 10 Ноября (по новому стилю) 1759 года, въ городѣ Марбахѣ, что въ Виршембергскомъ владѣнїи. Отецъ его, маіоръ и инспекторъ лѣсныхъ школъ, былъ весьма умной человѣкъ, и извѣстенъ въ Германїи по своему сочиненїю: *Die Baumzucht im Stoffen*. Мать, женщина превосходныхъ качествъ, старалась болѣе всего образованъ нравственность своего сына. Шиллеръ съ самымъ юныхъ лѣтъ обнаружилъ свое пламенное, живое воображенїе; онъ читалъ съ великимъ удовольствїемъ творенїя священныхъ писателей вѣщаго завѣта; особенно же восхищали его видѣнїя Эзекиїля. Онъ часто казался мрачнымъ, искалъ уединенїя, жилъ въ идеалахъ; ибо предѣлы насипящаго мїра были писаны для его генїя. На четырнадцатомъ году его отдали въ военное училище въ Шпунгардѣ, которое славилось строгимъ порядкомъ и хорошею методою въ преподаванїи наукъ. Первые предметы, которыми Шиллеру надлежало здѣсь обучаться, были — Законъ Божїй, Латинскїи и Греческїи языки, Испорїя

и Географія; но кромѣ Лаптинскаго языка онъ ни въ чемъ не оказывалъ успѣховъ; за шо пѣвмъ ревностнѣе упражнялся въ Поэзіи. Клопшпокова Мессіяда занимала всю его душу. Вбродино чшеніе Библии и Клопшпоковыхъ твореній, — величественныхъ проспоною, разительныхъ глубокимъ чувствомъ, — имѣло рѣшительное вліяніе на развитіе и направленіе его поэпического генія. Шиллеръ началъ было прудиться надъ эпическою поэмою, копорою герсемъ назначенъ былъ Моисей, освободитель, полководецъ и законодатель своего народа. Но познакомясь съ Уголино, прагедіею Гершенберга, богапою спрашными сценами, онъ потчасъ почувсвовалъ непреодолимую склонность къ драматической Поэзіи; Гецъ фонъ Берлихингенъ (Гёше), Юліи Тарентскій (Лейзевица) и Лессинговъ театръ раздували искру сей спраши; Шекспирово животворное дыханіе превратило жаръ въ пламень. Первые драматическіе опыты Шиллера, *Студентъ Нассавскій* и *Козьма Медицисъ*, были созданы самимъ авторомъ; его подражательныя лирическія стихотворенія изъ сего же періода были еще неудачнѣе. Наконецъ въ 1777 году осьмнадцатилѣтній юноша написалъ *Разбойниковъ*, ис-

полинское твореніе, которое, не смотря на сильныя нападенія кришниковъ, по сіе время принимается публикою съ удивленіемъ на всѣхъ почти театрахъ. Въ 1780 году, по выпускѣ изъ училища, Шиллеръ опредѣленъ былъ въ Шпунсгардѣ полковымъ лѣкаремъ. Тамъ онъ напечаталъ свою трагедію, которая возбудила всеобщее вниманіе; но самому автору навлекла многія непріятности. Герцогъ запретилъ ему что либо впредь печатать. Шиллеръ удался въ Мангеймъ (1782), и обязался сочинять пѣсы для тамошняго театра, на которомъ въ то время блистали Ифландъ и другіе отличные таланты. Здѣсь онъ началъ издавать *Рейнскую Галлею* и напечаталъ двѣ другія трагедіи: *Фіэско* и *Коварство и Любовь*. Въ предувѣдомленіи къ первой онъ необыкновеннымъ образомъ объясняется въ разсужденіи своихъ юношескихъ лѣтъ и начальныхъ сочиненій. „Рано,“ — говоритъ онъ — „я лишился отечества, чтобы промѣнить его на большой свѣтъ, на который я до тѣхъ поръ смотрѣлъ въ зрительную трубу. Спранное недоразумѣніе природы осудило меня бытъ стихотворцемъ въ мѣсѣ моего рожденія. Склонность къ Поэзіи оскорбляла постановленія инспирюта, въ кошо-

ромъ я воспыивался, и прошиворѣчила плану его основателя. Восемь лѣтъ энтузіазмъ мой боролся съ правилами учителя; но страсть къ Поэзіи сильна и пламенная, какъ первая любовь. Все, что грозило умертвить ее, давало ей новую жизнь. Чѣмъ избѣжать связей, которыя для меня были мукою, сердце мое переселилось въ мѣръ идеальный; не зная однакожь наспоющаго, съ которыми раздѣляли меня желѣзные заповоры; — не зная людей, — (ибо чепыресна окружавшихъ меня товарищей были какъ-бы одно твореніе, вѣрный опливъ одной и той же модели, отъ которой пластическая природа оказалась торжественно,) — не зная склонностей свободныхъ; самими себѣ предопределенныхъ существъ, — (ибо здѣсь созрѣвала только одна, которую не хочу назвать теперь; всякая другая сила воли изнемогала, между тѣмъ какъ одна только напрягалась съ судорожнымъ движеніемъ; особенность каждаго, всякой оптѣнокъ разнообразной природы перялись въ правильномъ темпѣ господствовавшаго порядка); — не зная прекраснаго пола; — (ворота инспишута иногда только отворялись для женщинъ, когда онѣ либо не начинали, либо переснавали бышь занима-

пельными), — не зная судьбы человѣческой.—
 Вошь почему кисть моя не могла понаспь
 на среднюю линію между ангеломъ и дя-
 воломъ; она должна была произвестъ чу-
 довище, какого — къ счастію — не было въ
 свѣтѣ, и которому я желалъ бы безсмер-
 тія для того только, чтобъ увѣковѣчить
 примѣръ выродка, произведеннаго на свѣтѣ
 опъ незаконной связи субординаціи съ
 геніемъ. — Я разумѣю *Разбойниковъ*. Эша
 пѣса появилась. Весь нравственный міръ
 потребовалъ автора на судъ, какъ оскор-
 бителя Величества. Чѣмъ же онъ изви-
 нялся? — климапомъ, подъ которымъ ро-
 дился. Изъ всѣхъ безчисленныхъ жалобъ
 на мою трагедію одна только справедли-
 во на меня падаетъ: — па, что я дер-
 знулъ изображать людей, не выдавъ еще
 ни одного человѣка.“ —

Желая переменить родъ жизни, Шил-
 деръ оставилъ Мангеймъ, хопя безъ имѣ-
 нія, но съ праведливымъ упованіемъ на
 свой геній и славу, — и отправился въ
 Майнцъ. Изученіе Философіи открыло
 ему новый идеальный міръ, который онъ
 спалъ описывать въ своемъ *Донъ-Кар-
 лосѣ*. Пребываніе въ Майнцѣ скоро ему
 наскучило; онъ переселился въ Саксонію.
 Дрезденская богатая библіотека доснави-

да ему средства узнать всё подробности царствования Филиппа II. Плодомъ сихъ разысканій, которыя непримѣнно ввели его въ область Исторіи, — была его недокончанная *Исторія отпаденія Соединенныхъ Нидерландовъ отъ Испанскаго Правительства*. Въ деревнѣ Голисѣ, близъ Лейпцига, Шиллеръ окончилъ *Донъ — Карлоса*, и подружился съ *Юнгеромъ*, извѣстнымъ сочинителемъ романовъ и комедій. Въ 1787 году онъ перѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ сочетался бракомъ съ дѣвицею *Вольцогенъ* и пріобрѣлъ дружбу *Гёте* и *Биланда*. Еще въ 1784 году Герцогъ Веймарскій пожаловалъ Шиллеру чинъ Совѣтника; а въ 1789, Гёте доставилъ ему мѣсто Экспраординарнаго Профессора Философіи при Іенскомъ Университетѣ. Онъ преподавалъ здѣсь Исторію и Эстетику съ отличною похвалою; во всемъ избѣгалъ мѣлочей и варварскихъ, шаинспвенныхъ формулъ, которыя, ничего не открывая, пугають только умъ и поселяють въ немъ отвращеніе къ важнымъ наукамъ. За то Шиллеръ нѣмъ болѣе старался пользоваться богатствомъ Нѣмецкаго языка, чтобъ ясно представить самыя опвлеченныя понятія, самыя высокія идеи и запушанныя происшествія. Здѣсь онъ на-

чалъ свои *Меморіи* или *записки*, и ревностно занимался Философіею Канта и Фихте. Не лзя не удивляться поэшу, не лзя не почивать его, что онъ, уже въ самомъ себѣ богатый и великій, необыкновеннымъ стараніемъ и оборотливостію духа умѣлъ присвоить себѣ самую глубокомысленную Философію новѣйшаго времени, и практически употреблять ее для пользы искусствъ и человѣчества. Въ карманномъ календарѣ для дамъ съ 1790 по 1793 годъ онъ издалъ свое превосходное твореніе — *Исторію тридцатилѣтней войны*.

Слава Шиллера распространилась во всей Европѣ. Многіе Государя, внутри и внѣ Германіи, изъявили ему свое благоволеніе. Ландграфъ Гессенъ — Дармшпадскій и Герцогъ Мейнингенскій пожаловали его чиномъ Надворнаго Совѣтника. Тогдашняя Французская Республика даровала ему, въ началѣ революціи, право гражданства, а Нѣмецкій Императоръ возвелъ его въ 1802 году въ Имперское дворянство. Конечно такія почести не возвышаютъ достоинства сего мужа; по крайней мѣрѣ онъ служатъ доказательствомъ уваженія, оказаннаго великимъ его заслугамъ. Къ сему же періоду въ Шиллеровой жизни

относится его драматическое творение *Валленштейнъ*. Продолжительныя, неутомимыя занятія расстроили его здоровье; онъ впалъ въ опасную болѣзнь, отъ которой хотя и выльчился, но не могъ уже совершенно оправиться. Впрочемъ дѣятельность его не ослабѣла. Гёте, желая сбегать своего друга для жизни и имѣть его вблизи себя, убѣдилъ Шиллера переселиться въ Веймаръ. Здѣсь онъ жилъ безъ должности, съ ограниченномъ дослужкомъ, но въ обществѣ съ Гёте, Виландомъ и другими славными людьми, счастливымъ супругъ и опецъ, въ сладостной увѣренности, что его всѣ любятъ и почитаютъ. Онъ снова спалъ здоровъ и веселъ, и въ семь прѣшнемъ періодѣ произвелъ свои лучшія драматическія творенія — *Марію Стюартъ*, *Двѣу Орлеанскую*, *Невѣсту Мессинскую* и *Вильгельмъ-Телля*. Каждое изъ нихъ воспламеняло умы сильнѣйшимъ энтузіазмомъ къ поэту. Въ 1804 году Шиллеръ вѣдиль въ Берлинъ, посѣпилъ памошній театръ во время представленія В. Телля, и былъ принятъ публичною съ самыми лестными почестями. Онъ возвратился въ Веймаръ больнымъ. Впрочемъ и сей разъ здоровье его начало повидимому поправляться; но 9 Маія 1805 года смерть

внезапно постигла его на 46 году отъ роду. Никогда кончина поэта не производила столь глубокой и всеобщей печали, какую возбудила въ Германіи ранняя смерть Шиллера. Спрямясь къ Вѣчному, Божественному, онъ пожертвовалъ жизнью для пользы наукъ и художествъ; и поному справедливо говоришь объ немъ великій другъ его (Гёте):

*Er wendete die Mühe höchsten Strebens,
Das Leben selbst an dieses Bild des Lebens.*

„Мы должны почитать его счастливымъ, — продолжаешь Гёте, — что скорая смерть вознесла его съ высоты человѣческаго бытія въ жилище блаженныхъ. Онъ не чувствовалъ бремени спаросши, упадка силъ душевныхъ. Онъ жилъ какъ мужъ, и мужемъ опшелъ отъ жизни. Теперь онъ наслаждается преимуществомъ — являясь въ памяти попомства вѣчнодѣйствительнымъ, вѣчносильнымъ. — Ибо въ томъ видѣ, въ какомъ челоѣкъ оставляетъ землю, спрансхуешь онъ и между пѣвными; такъ Ахиллесъ въ наспоящее время являлся намъ вѣчнокипящимъ юношею! — Изъ гроба дыханіе его силы укрѣпляетъ насъ, и возбуждаетъ въ насъ живое спремленіе, продолжаешь съ любовью начавше имъ, Такимъ

образомъ онъ въ дѣлахъ и желаніяхъ своихъ вѣчно будетъ жить какъ для своего опечестива, такъ и для вселенной.“

Шиллеръ обладалъ рѣдкими качествами сердца. Будучи опкровенень и довѣрчивъ, справедливъ въ словахъ и поступкахъ, удалень опъ гордости и эгоизма, онъ въ короткое время пріобрѣталъ себѣ благоположеніе каждаго. Чѣмъ короче узнавали его, тѣмъ болѣе чувствовали ему цѣну. Высокій ростъ, худощавое, блѣдное лице, носившее на себѣ слѣды слабаго здоровья, не заставляли въ первую минуту обращать на него вниманіе; но прищипельному взору открывались въ голубыхъ глазахъ его искры пламеннаго генія; высокое открытое чело предвѣщало Поэпа и Философа; какъ скоро онъ начиналъ говорить, легкій румянецъ пробѣгалъ по лицу его, и придавалъ ему неопианную пріятность. Подобно всякому человеку, одаренному избыткомъ ума и чувствъ, но долгое время лишенному всѣхъ наслажденій въ жизни, — Шиллеръ, по доспиженіи свободы, часто наполнялъ чашу веселія. Но наслажденія его были, подобно ему, геніальны и благородны. Онъ сильно опражающся въ его безмертной *Пѣсни къ Радости*. Онъ любилъ открывать свою вы-

сокую и кропкую душу достойному другу, и въ обмѣнѣ сродныхъ чувствъ удвоить свое бышье. Красоты природы сильно прогали его. Онъ часто въ легкой ладѣ предавался спремленію рѣки въ то время, когда бури воздымали волны и черныя тучи изрыгали вокругъ его громаы и молніи. Смотри на спрашную борьбу стихій, онъ чувствовалъ гармонію въ груди своей, и любилъ изливать ее въ звукахъ лиры. Кто не бродилъ съ нимъ въ его *Прогулкѣ*. — Шиллеръ особенно любилъ заниматьсь ночью. Когда умолкалъ безпорядочный шумъ свѣта, въ то время геній говорилъ ему яснѣе и понятнѣе. Съ угасшимъ свѣтиломъ дня возгарался пламень его вдохновенія, и часто утренняя заря заспавала Шиллера посреди его прудовъ.

Сей великій писатель самъ изобразилъ свой характеръ, совсемъ не думая о томъ. „Тотъ же младенческой нравъ, — говоритъ онъ, — который геній обнаруживаетъ въ своихъ твореніяхъ, онъ показываетъ и въ своей жизни. Онъ *стыдливъ*, потому что природа всегда стыдлива; но онъ *не слишкомъ строго держится свѣтскихъ прилитій*, ибо только пороки имѣють въ нихъ необходимую нужду. Онъ *разсудителенъ*, потому что и природа въ своихъ

созданіяхъ всегда являетъ величайшую разсудительность; но онъ не *притворенъ*, ибо одно только искусство можетъ быть притворно. Онъ *всегда вѣренъ своему характеру*, не по правиламъ, но потому что природа, при всѣхъ своихъ переменъ, всегда возвращается въ прежніе свои предѣлы, всегда обнаруживаетъ однѣ и тѣ же потребности. Онъ *скроменъ*, даже *застигивѣнъ*, потому что геній всегда оспается тайною для самаго себя; но онъ *не бояливъ*, ибо не знаетъ опасностей того пути, которому слѣдуетъ. “

Н. Рашковъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Германія.

Въ минувшемъ году 5 Декабря, по новому стилю, скончался въ Мюнхенѣ одинъ изъ лучшихъ Германскихъ писателей, — Графъ Фридрихъ Леопольдъ Штольбергъ. Здѣсь предлагается краткое извѣстіе объ его жизни и твореніяхъ.

Графъ Фридрихъ Леопольдъ Штольбергъ родился 7 Ноября 1750 года. Отецъ его былъ Камергеромъ Датскаго Двора. — Графъ Фридрихъ Штольбергъ получилъ отъ родителей воспитаніе, приличное его состоянію. Съ 1769 до 1774 года учился въ Гёппингенѣ, гдѣ былъ принятъ въ знаменитое дружеское общество стихотворцевъ: Бояя, Бюргера, Миллера, Фосса, Гельти, Лейзевица, Клозена, Офербека и Крамера, которымъ Нѣмецкая Литтература споль много обязана приращеніемъ своей славы. — Г. Фридрихъ Штольбергъ былъ сперва Камеръ-Юнкеромъ Датскаго Двора, а въ 1777 году сдѣланъ Любскимъ полномочнымъ Министромъ въ Копенгагенѣ. Въ 1782 году сочепался бракомъ съ Агнессою Вицлебень, которую воспѣлъ во многихъ своихъ стихопвореніяхъ. Въ 1789 году былъ Датскимъ Посланникомъ въ Берлинѣ; въ 1797 году пожалованъ кавалеромъ Россійскихъ орденовъ: Св. Анны и Св. Александра Невскаго. Въ 1800 оставилъ свое Государственное поприще, поселился въ Мюнхенѣ, и тамъ со всею своимъ семействомъ перешелъ въ Католическую

вѣру. Въ 1807 году онъ сочинилъ Исторію закона Иисуса Христа, — поврещіе, достойное вниманія по своему истинно классическому повѣствованію. Какъ стихотворецъ Графъ Фр. Шюльбергъ извѣстенъ своими одами, пѣснями, элегіями, романсами, сапирами, пишическими картинами и драматическими пѣсами; какъ прозаикъ — своею Исторіею Алфреда Великаго, романомъ: *Остриль*, и путешествіемъ по Германіи, Швейцаріи, Италіи и Сициліи; какъ переводчикъ — своею Илліадою, избранными разговорами Платона, стихотвореніями Оссіана, и въ особенності нѣкоторыми Эсхиловыми трагедіями. Собственные его стихотворенія отличаются благородною смѣлостію мыслей и картинъ; вездѣ господствуетъ пылокое чувство къ красотамъ природы, дружбѣ и свободѣ. Его пѣсни и романсы (или баллады) очень близки къ самому простому, пріятному, чистому пѣсеннѣнню; читатель изумляется, находя, что *гимнъ къ Солнцу и Землѣ*, или *дифирамбъ, Морю*, и *милая ветерная пѣснь дѣвочки* сочинены однимъ и тѣмъ же авторомъ. Его *Альбы* суть важныя сапиры на возвращеніе нравовъ, ученые и политическіе предразсудки современниковъ. Последние его стихотворенія были писаны по случаю войны отъ 1812 до 1814 года. Высокій, смѣлый полетъ, великія, блестящія идеи, священная ревность къ свободѣ, правамъ и отечеству, цвѣтущая фантазія и по большой части счастливая версификація — придають и симъ стихотвореніямъ отличное достоинство. — Славное имя Шюльберга будетъ вѣчно сіять на Германскомъ

Порнассѣ. Памятникъ соорудилъ онъ самъ себѣ въ своихъ пвореніяхъ.

— Празднованіе памяти Князя Блюхера-Вальштадскаго произошло въ Гамбургѣ, на иждивеніи Блюхерова клуба, слѣдующимъ образомъ. Посреди биржевой, богашою черною матеріею обитой залы, — копорой плафонъ сіялъ серебряными звѣздами, а стѣны увѣшаны были фесонами съ серебряною бахромою, — возвышался великолѣпный капафалкъ, украшенный гербами покойнаго Князя, вышитыми золотомъ и серебромъ; въ головахъ лежалъ лавровый вѣнокъ; четыре большіе кандеабра, поставленные на углахъ капафалка, и многія люстры, перевязанныя флеромъ, ярко освѣщали залу. Въ задѣ находился оркестръ почти изъ 100 музыкантовъ, по большей часѣ любителей, копорые своею отличною игрою сдѣлали празднество еще блистательнѣйшимъ. При входѣ въ залу, передъ самымъ капафалкомъ, устроены были полукружіемъ мѣста для членовъ клуба; оспальное пространство залы и хоры занимались чрезвычайнымъ множествомъ зрителей обоего пола, одѣтыхъ въ ироурныя платья и состоявшихъ изъ самыхъ почетныхъ фамилій Гамбурга и сосѣдственнаго съ нимъ города Альшоны. Въ 8 часовъ вечера праздникъ открытъ былъ Моцартовой увертюрою, сочиненною на подобные случаи; по окончаніи оной Президентъ клуба, племянникъ покойнаго, Графъ Блюхеръ Альшонскій, погчасъ всталъ съ своего мѣста, и сообщилъ членамъ послѣднія слова Князя (копорого Е. С. посѣдилъ за нѣсколько дней до смерти). Попомъ

членъ клуба, Сенаторъ Даммертъ, въ своей прекрасной рѣчи изложилъ причину празднества, и вмѣстѣ съ прогательнымъ чувствомъ напомнилъ о челоѵколюбіи и благошвореніяхъ Графа Блюхера, оказанныхъ имъ многимъ Гамбургскимъ жишелямъ, которые, во время осады города, принуждены были искапъ убѣжища внѣ онаго.—Въ заключеніе празднества превосходно была сыграна Моцаршова панихида (Requiem).

— Въ журналѣ, *Der Gesellschafter*, сказано, что прахъ великаго Шиллера покоится въ одной развалившейся хижинѣ, въ самомъ опдаленномъ углу Веймарскаго кладбища, между тѣмъ какъ въ пяти шагахъ отъ него сооруженъ великолѣпный обелискъ одному масшеровому, погибшему на пожарѣ.—Что скажутъ объ этомъ Веймарцы?!

— Въ Вѣнѣ: большое Австрійское Филармоническое общество, (въ которомъ число дѣйствующихъ членовъ было до 400) давало Кантату „*Освобожденная Германія*“, слова извѣстной писательницы *Каролины Пухлеръ*, музыка *Шпора*. Хотя сія композиція не во всѣхъ часяхъ соопвѣстствовала великимъ ожиданіямъ публики, однакожъ многія въ ней мѣста показывали необыкновенное искусство и таланты компониста. Особенно разшпеленъ хоръ бѣгущихъ Французовъ и ихъ преслѣдовашелей — Русскихъ, послѣ сожженія Москвы. Чтобъ не продолжитъ времени, принуждены были сократитъ ораторію; отъ пого главные моменшы такъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, что между нѣкоторыми такшами заключался промежутокъ цѣлаго года!!

Такіе Шекспировы скачки вѣ музыкальномѣ представленіи показались для публики необыкновенными и противными вкусу; между тѣмъ все чудесное такъ уважается вѣ Германіи, что мы надѣемся вскорѣ имѣть Всеобщую Исторію, на прим Бекера, положенную на музыку. —

— Семидесяти-осьмилѣтняя вдова Цвенгенъ вѣ Фюльдѣ, при совершенномъ здоровьѣ, наслаждается рѣдкимъ счастьемъ — видѣть изъ 131 потомка еще 87 живыхъ, которые всѣ имѣютъ отъ своихъ промысловъ достаточное продовольствіе, и съ дѣтскою любовію предупреждаютъ всѣ желанія своей прародительницы.

И т а л і я.

Г. Май, бібліотекаръ вѣ Ватиканѣ, поднесъ рапортъ Его Святѣйшеству, вѣ которомъ извѣщаетъ, что онъ открылъ вѣ двухъ рукописяхъ, составляющихъ часть сей бібліотеки, творенія ошличныхъ Латинскихъ классиковъ, которыя почитались потерянными. Вѣ одной изъ нихъ онъ нашелъ книги Цицерона о республикѣ, состоящія изъ 300 листовъ, которыя можно читать очень легко. Заглавіе творенія написано на поляхъ страницы, гдѣ означено и имя Цицерона. — Вѣ послѣдующія времена писали на семъ же манускриптѣ и о другихъ предметахъ, отъ чего порядокъ книгъ Цицероновыхъ нарушенъ, и твореніе испорчено. Не взирая на то большая часть сихъ листовъ сохранилась совершенно. Г. Май хотѣлъ ихъ напечатать, и надѣется доставить ими великую

пользу для Полипики, Морали, Законовѣдѣнія, Испоріи, Археологии и языка Лапинскаго. — Вспорой манускриптѣ или свитокѣ Вапиканскій содержитѣ различныя сочиненія древнихѣ писателей, (коихѣ опривки Г. Май еще прежде опыскалъ вѣ Миланской библіотекѣ). Между оными находишся переписка Фронтона съ Императоромѣ Маркомѣ Авреліемѣ, нѣкоторыя рѣчи Цицерона, разные опривки, кои могутѣ служить пополненіемѣ для многихѣ другихѣ, — и торжественная рѣчь Аврелія Симмаха, которая до сихѣ порѣ была неизвѣстна.

— Кустосѣ при Вапиканской библіотекѣ издалѣ нѣдавно такѣ называемыя Сибиллическія книги, копорыя почисались поперянными — (Восемь изѣ нихѣ давно уже извѣсны). Одна содержитѣ древнюю Испорію Рима до Августа, другая до Септимія Севера.

— Вѣ Туринѣ запрещено Беркенево сочиненіе — *Друзѣ дѣтей*, а вѣ Римѣ — *Юриково саптиментальное путешествіе*. И такѣ вѣ Туринѣ не хотятѣ имѣть для дѣтей друга, а вѣ Римѣ для путешественниковѣ — чувствительности!

— Вѣ одномѣ частномѣ письмѣ изѣ Неаполя пишутѣ слѣдующее: 1 Декабря выпалѣ зѣбсь снѣгѣ и были слышны многіе удары грома. Вѣ самую полночь жители были пробуждены подземельнымѣ шумомѣ, и вскорѣ пономѣ началось одно изѣ ужаснѣйшихѣ изверженій, како-го незнаомнятѣ за двадцать лѣтъ. Жители Горре дель Греко, Аумензіаны и самаго Портичи приведены вѣ величайшее безпокойство, и имѣютѣ причины опасаться участи Геркуланума и

Помпеи. Къ счастью лава раздѣлилась на пять рукавовъ, и текла до самой подошвы горы Везувія) на пространство цѣлой мили. Краатеръ очень разширился, и часть его краевъ обрушилась.

Швейцарія.

Письма изъ Базеля увѣдомляютъ о большихъ опустошеніяхъ, причиненныхъ водою, которая затопила всѣ низменныя страны между Муршнерскимъ, Нейенбургскимъ и Бильскимъ озерами.

— Число Езуитовъ въ кантонѣ Фрибургскомъ умножается чрезмѣрно: между ними, кромѣ природныхъ Фрибургцевъ, считается 79 изъ другихъ кантоновъ и 40 изъ чужихъ земель. Они употребляютъ всѣ средства — доставляя себѣ приверженцовъ и обольщая ихъ умъ.

Франція.

Его Величеству между прочими книгами поднесена *Грамматика Грамматикъ*, сочиненная Жирольшомъ Вивье.

— По повелѣнію Герцога Беррійскаго въ Парижѣ учреждены многія заведенія для раздачи экономическаго супа нищимъ и бѣднымъ ремесленникамъ.

— Обѣ картины славнаго живописца Давида, *похищеніе Сабинянокъ и Леонидо*, куплены Французскимъ Правительствомъ за 100,000 франковъ; онѣ поставлены въ галереи дворца Перовъ (прежней Люксамбургской).

— Г. Бози, членъ Академіи, получилъ отъ Министра внутреннихъ дѣлъ препорученіе сдѣ-

ласть статую Генриха IV изъ Пиренейскаго мрамора.

— Въ Парижѣ вышла первая книжка Библиотеки Дамъ — Христианокъ. Оно заключаешъ въ себѣ: новый переводъ Подражанія Хриспу (Е. Женуда) съ предисловіемъ и заключеніемъ при каждой главѣ Аббапа Ф. де ла Меннэ; новый переводъ Духовной борьбы Г. Скъполи, съ присовокупленіемъ молишвъ, извлеченныхъ изъ парафразовъ Масильюна, и неизданной піэсы Бурдалу Сбщее наставленіе, посвященное госпожѣ Меншенонъ.

— Второе представленіе Олимпіи подтвердило предсказаніе знатоковъ; всѣ хоры, арии и дуэны приводили слушателей въ восторгъ, какъ и въ первое представленіе. — Прелестный балетъ своими одушевленными картинами спорилъ въ совершенствѣ и разнообразіи съ декораціями Г. Дегонши. —

Въ журналѣ (*Minerve Française*) пишутъ о сей лирической трагедіи слѣдующее. Послѣ политическихъ преній она была предметомъ разговоровъ; наконецъ Олимпія была представлена: ожидали чуда искусства, но увидѣли совсемъ другое. — Олимпія естъ піэса Минисперская; вотъ почему она не имѣла успѣха. „Нѣтъ, (отвѣчаетъ другой зритель), эта піэса *ultra*; — вотъ почему она была освистана.

— Въ трагедіи *Les Vêpres siciliennes* (Сицилійскія вечера) Парижская публика особенно апплодировала симъ стихамъ:

*M'apprendrez-vous enfin, seigneur, quels sont vos droits
Pour apprimer le foible et pour braver les lois?*

Se reposant sur vous du soin du diadème,
 Le Roi vous-a-t-il fait plus roi qu'il n'est lui-même?
 D'où vient que son ministre, avec impunité,
 Ose porter les mains sur notre liberté.

— Въ Парижѣ сѣ недавняго времени показывается панорама Иерусалима.

А н г л и я.

Г-нъ Каннингъ въ своей Парламентской рѣчи 25 Ноября сказалъ, что Французская революція научаетъ двумъ истинамъ. — 1) Не слишкомъ медлить нужнымъ исправленіемъ; 2) Не слишкомъ спѣшить исправленіемъ, безъ котораго обойтись можно.—Очень справедливо сказано!

Персидскій Посланникъ, который хорошо понимаетъ Англинскій языкъ, изъяснилъ большое удивленіе и негодованіе, читая въ одномъ утреннемъ журналѣ длинную статью подъ заглавіемъ: путешествіе Его Высочествова Посланника Персидскаго по Франціи и Англии, выбранное изъ одного Французскаго журнала. Отрывки изъ мнимаго журнала выражаютъ мысли и чувствованія, вовсе отвергаемыя Его Высочествомъ. Хотя Посланникъ ведетъ журналъ своего путешествія; но ни одна статья изъ онаго не была въ переводѣ опубликована на какомъ нибудь Европейскомъ языкѣ.

И с п а н і я.

Въ Мадридѣ тайно вышло нѣсколько печатныхъ листовъ подъ названіемъ: *разговоръ между тѣнями донъ-Кихотта, свободно и раб-*

ски мыслящими. Это небольшое сочинение исполнено оригинальности, соли и злой кришики на мѣры, предпринимаемая Испанскимъ Правительствомъ. До сего времени всѣ спаранія Полиціи — открышь разсѣвателя сихъ листковъ — были тщетны.

Ш в е ц і я.

До сего времени въ Швеціи не было скоповрачебныхъ училищъ. Проектъ оныхъ уже составленъ, и поднесенъ Королю на разсмотрѣніе.

— Здѣсь объявлено о сочиненіи подъ заглавіемъ: письма Графа Оксенштирна къ его сыну, Шведскому Государственному Совѣтнику и полномочному Посланнику въ Германіи, отъ 1642 до 1649. Сія книга безспорно возбудитъ большое вниманіе знаменитостію своего Автора, котораго твореніе — нравоучительныя мысли Графа Оксенштирна — переведено почти на всѣ языки. —

А н е к д о т ъ.

Во Франкфуртскихъ газетахъ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. При выходѣ изъ одного Парижскаго театра, какая-то дѣвушка, въ тѣсношѣ народа, потеряла свой башмакъ. Молодой Баронъ Н. поднялъ его. — Какая находка для пылкаго юноши! — прекрасный маленькой башмачокъ, который предполагалъ самую уютную ножку. — „Какъ благородна и прелестна должна быть та особа, кою которой принадлежитъ этотъ башмачокъ!“

Такъ разсуждалъ Баронъ дорогою, ѣхавши домой — Онъ потерялъ все спокойствіе, цѣлую ночь не смыкалъ глазъ своихъ, и хотѣлъ на другой день, во что бы то ни стало, отыскать особу, въ которую онъ за очно влюбился. Но утру ѣздитъ по разнымъ частямъ города, спрашиваетъ у всѣхъ наемныхъ фіакровъ, не опвозилъ кто изъ нихъ молодую дѣвушку безъ башмака; — наконецъ судьба сжалилась надъ бѣднымъ Барономъ; онъ находитъ извозчика, который точно опвозилъ какую-то дѣвушку безъ башмака въ улицу Л. Баронъ скачетъ туда, находитъ прекрасную незнакомку; она была дочь честныхъ родителей, которые торговали въ собственной мѣлочной лавкѣ кореньями — дѣвица въ самомъ дѣлѣ была прекрасна и хорошо воспитана, говорила очень умно, обращалась пріятно — короче сказать, это новая Сандрильонъ такъ обворожила пылкаго Барона, что онъ предложилъ ей свою руку; — и чрезъ нѣсколько дней они обвѣнчались.

Отборныя мысли.

Свѣщъ — стѣнные часы; гири — мѣшки съ золотомъ, маешникъ — женщины.

Легкая ссора бываетъ между любовниками, продолжительная — между скупыми соседями, вѣчная — между алчными наследниками.

Дружба — спранныческой посохъ; любовь — тросточка для прогулки.

Работа безъ отдыха есть тоже, что продолжительное путешествіе безъ гостиницъ и посшоялыхъ дворовъ.

Ласкашельство пѣмъ опаснѣе, чемъ оно ближе подходитъ къ правдѣ.

Чтобъ наслаждаться жизнію, надобно меньше разсуждать и болѣе чувствовать.

Хотите ли, чтобы про васъ хорошо говорили? — Не говорите ничего.

Иногда минувшая нерѣшимость можетъ на всю жизнь навлечь несчастіе.

Дурачества друзей — прискорбны, непріятелей — утѣшительны, жаднокровныхъ — смѣшны.

Кто хочетъ выслужиться у своего начальника, тотъ обыкновенно выспавляетъ ему недоспашки своихъ соповарищей.

Гименей является послѣ Амура — какъ дымъ послѣ пламени.

Перомъ иногда можно причинить болѣе вреда, нежели оружіемъ. —

VIII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Ф р а н ц і я.

Австрійскій Наблюдатель содержитъ подѣсташью: *Франція*, слѣдующее примѣчательное извѣстіе:

Въ спорахъ о допущеніи извѣстнаго Грегуара въ палату Депутатовъ, Г-нъ Лене сказалъ между прочимъ сіи превосходныя слова: „есть законъ, который и безъ письменнаго начертанія долженъ быть признавъ и исполняемъ. Сей законъ не заключается въ пѣнныхъ архивахъ; не подчиненъ переменнымъ нуждамъ и прихотямъ Государей и народовъ;

онъ сохраняется въ священномъ мѣстѣ — въ совѣсти человѣка.“ — Журналы революціонной оппозиціи не посмѣдились придрапаться къ симъ почтеннымъ словамъ, а L'Indépendant осмѣлился даже назвать ихъ „жалкою метафизическою цверткою.“ — Если духъ возмущенія проспирается до того, что отрицаетъ гласъ совѣсти, сего живаго, вездѣ присутствующаго свидѣтеля вышняго законодательства, то онъ справедливо ужасаетъ насъ: ибо изъ зла можешъ родиться только зло. Пагубное заблужденіе, — которое разумъ одного частнаго человѣка поставляетъ верховнымъ судією надъ истиною и заблужденіемъ, справедливостию и неправосудіемъ, законами и законодателямъ, — есть коренная болѣзнь нашего вѣка: источникъ всѣхъ смятеній, потрясающихъ Европу въ продолженіе тридцати лѣтъ. Оно-то причиною, что свободу — которая безъ данныхъ правилъ существовать не можетъ, — смѣшали съ своеволіемъ, которое само себѣ предписываетъ правила; отъ бурь, нанесенныхъ ядовитымъ его дыханіемъ, развились фантомы демократіи, возмужалость народовъ, верховность разума надъ всѣми ему предписанными уставами, шоржество вновь открытаго свѣта надъ мнимымъ мракомъ прошедшихъ временъ, и непримиримая брань, которая — страшнѣе всѣхъ кровопролитныхъ войнъ — раздираетъ по сіе время нѣдра общественной и самой частной жизни. Въ постоянной борьбѣ съ симъ злымъ началомъ и съ чувствомъ своихъ священныхъ обязанностей, мудрыя Правительства употребляютъ всѣ свои силы

для спасенія общественнаго порядка. Но если не подсѣкутъ корня зла, если не обезоружатъ припязаній необузданнаго своевольтва ума, если какою нибудь чудесною силою частные люди не будутъ доведены до сознанія ихъ ограниченности и добровольнаго покоренія самихъ себя вышней непосягаемой власпи, — тогда самыя благоразумныя мѣры оспанутся недѣйствительными; истинный миръ не будетъ существовать между нами; бремя и страданія, подъ которыми изнемогаютъ народы, сдѣлаются несносными; — и только съ воспановленіемъ нравственнаго, и е. христіанскаго начала общества могутъ возвратиться къ намъ спокойствіе, довольство, всеобщее благосостояніе, словомъ, всѣ существенныя блага, которыми мы пожертвовали безумному желанію — образовать собственную силою новый порядокъ вещей.

— Парижъ 9 Января. Король вручилъ Маршалу Сульпу, Герцогу Далманскому, Маршальскій жезлъ, по принятіи отъ него присяги въ вѣрности.

— Можно почти сказать, „что здѣсь готовится планъ, сдѣлать народо-представительное Правительство ненавистнымъ во Франціи.“ Въ семъ мнѣніи согласуются *Constitutionnel* и *Journal des Débats*, съ тою только разностию, что первый приписываетъ вину сего плана Роялистамъ, а послѣдній Либеральнымъ.

— Къ неосновательнымъ слухамъ принадлежитъ и то, что будто между Франціею, Австріею и Англіею заключенъ наступательный и оборонительный пактъ.

— Увѣряютъ, что Князь Талейранъ подавъ Королю донесеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и изложилъ въ немъ средства — которыя казались ему самыми лучшими — для примиренія партій.

— Въ нѣкоторыхъ Парижскихъ журналахъ пишутъ, что 80 депутатовъ имѣли на сихъ дняхъ собраніе, и разсуждали о средствахъ опдалить нынѣшнихъ Министровъ.

— Новый Военный Министръ откровенно признался Королю, что онъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ кошорыя проѣзжалъ по дорогѣ къ Парижу, былъ встрѣчаемъ восклицаніями: „Харшію! Харшію! Никакой перемѣны!“

А н г л і я.

По приказанію Нижняго Парламента напечатанъ отчетъ обо всемъ долгѣ Великобританіи, со включеніемъ Австрійскаго и Португальскаго займовъ. Вся сумма невыкупленнаго долга въ 1786 году составляла 238,231,248 ф. ст. а преміи 10,302,402 ф. ст. До 1793 г. долгъ безпрестанно понижался, и составлялъ только 227,989 ф. ст. Съ того времени онъ скоро возвысился, и 5 Января 1819 года составлялъ 1,181,502,362 ф. ст. изъ чего выкуплено 389,637,049; и такъ весь невыкупленный долгъ составляетъ еще 791,867,313 ф. ст., упавшій фондъ 15,815,001, а всѣ преміи, со включеніемъ онаго, 45,749,295 ф. ст.

— Въ Ноттингамѣ цѣлые пять дней продолжались безпокойства. Во все это время земское войско стояло подъ ружьемъ на торговой площади.

— Не удивительно, что въ Ирландіи крестьяне имѣютъ такъ мало собственности; ибо цѣлая половина сего острова принадлежатъ

премѣ фамиліямъ: Бересфордъ, Понсоби и Форсперъ, и сіи богачи всѣ свои доходы проматываютъ въ чужихъ зямляхъ.

— Съ мыса Доброй Надежды получено слѣдующее извѣстіе: Лордъ Генрихъ Соммерсетъ продолжаетъ переговоры съ начальникомъ Кафровъ объ уступкѣ нѣкоторыхъ земель; однако онъ не имѣетъ полной довѣренности къ Кафрамъ, и проситъ прислать къ нему изъ Англіи полкъ кавалеріи на случай непріязненныхъ дѣйствій. —

По другимъ извѣстіямъ начальникъ Кафровъ уже согласился уступить требуемыя Лордомъ Соммерсетомъ земли.—Можно навѣрное предполагать, что Великобританія распространитъ свои владѣнія въ Африкѣ точно такъ, какъ и въ Остъ-Индіи.

— Ласъ-Казасъ просилъ у Англичанъ позволенія, послать своего сына секретаремъ къ Бонапарте; однакожь въ этомъ ему отказано.

Германія.

Ганноверъ получилъ образованіе или конституцію для всѣхъ своихъ обласей, отъ Принца-Регента именемъ Короля данную въ Чарльшонгузѣ 7 Декабря минувшаго года. Государственные чины раздѣляясь на двѣ Палаты. Въ первую будутъ опредѣляемы члены, имѣющіе на то право; вторая составится изъ выбранныхъ Депутатовъ. Члены первой Палаты выбираются изъ дворянъ, имѣющихъ въ Ганноверѣ недвижимую собственность, которая бы не состояла въ залогѣ и приносила доходу до шести тысячъ талеровъ. Каждый изъ Депутатовъ долженъ имѣть также недвижимую собственность, приносящую доходу до трехъ сотъ талеровъ.

И с л а н і я.

Слухи о разбитіи Генерала Морилло въ Южной Америкѣ подтверждаются офіціальными извѣстіями о его крипическомъ положеніи. Говорятъ даже, что онъ прибылъ на островъ Teneriffъ, гдѣ его поспѣшью арестовали. Впрочемъ сей слухъ можетъ быть неоснователенъ. — Новая экспедиція, снаряжаемая въ Кадиксѣ для подкрѣвленія Королевской арміи въ Карракасѣ, едва ли выступитъ въ море прежде испеченія полугода, хотя бы употреблены были на шо самыя поспѣшныя мѣры.

Папиръ Ослолаза, бывшій нѣкогда ревностнымъ поборникомъ инквизиціи, поимися теперь въ ея оковахъ въ Севиллѣ.

Въ Кадиксѣ и во многихъ приморскихъ Испанскихъ гаваняхъ силою вынуждаются подати для экспедиціи, снаряжаемой въ Америку.

Т ц р ц і я.

Порта смѣнила правителя Ливадіи, Вели-Пашу, по причинѣ многихъ на него жялобъ; онъ имѣетъ ученя свѣдѣнія и знаетъ нѣкоторыя Европейскіе языки, но жестокъ и завистливъ. Ему дали въ управленіе Лепанто; Солиманъ-Паша переведенъ изъ Лепанто въ Ливадію, а Селимъ-Шери Паша въ Салоники.

Въ Діарбекирѣ возстановлено спокойствіе. Паша вступилъ въ сей городъ, и начальникъ мятежниковъ преданъ смерти. Со всемъ прошивное случилось въ Алеппо. Гершидъ-Ахметъ-Паша, — прежній Верховный Визирь и побѣдитель Сербовъ, — съ трудомъ ускользнулъ отъ кинжаловъ жипелей, Янычаръ и Шерифовъ, которые доведены были до возмущенія его пришѣсеніями и жестокостію. Онъ

удалился съ своими приверженцами. Всѣ жители въ его дворцѣ умерщвлены народомъ. Для усмиренія сего бунта Порша послала къ Пашѣ Алепскому еще трехъ другихъ Пашей на помощь.

А ф р и к а.

Дей Алжирскій отвергнулъ предложенія Адмираловъ Фриманпля и Юрина; къ эшому онъ былъ побужденъ ложнымъ донесеніемъ своего Посланника, недавно возвратившагося изъ Лондона. Сей имѣлъ безстыдство увѣрять Дея и Алжирцевъ, что Англія никогда не думала строго держаться нынѣшней системы относительно къ Варварійцамъ.

— Изъ Триполя увѣдомляютъ, опъ 11 Ноября минувшаго года, о миролюбивыхъ расположеніяхъ тамошняго правительсва. Торговля и мореплаваніе процвѣпаютъ. Ни одинъ корсеръ не входилъ въ Трипольскую гавань съ 1 Юля 1818 года; и Дей испрашивалъ посредничества Англіи, чтобъ заключить миръ со всѣми Европейскими Державами.

А м е р и к а.

Не смотря на запрещеніе Правительства Соединенныхъ Штатовъ, изъ Новаго Юрка ошплыли два корабля съ оружіемъ и амунициею для *Кохрана*. Извѣстіе, что будпо онъ разбилъ Испанскою эскадрою, оказалось ложнымъ.

— Чрезъ производимый съ Мексико запрещенный торгъ Европейскими поварами, Сѣверо-Американцы ежегодно выигрываютъ два милліона піаспровъ серебромъ.

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е.

Статьи издаваемого на 1820 годъ Журнала, подъ названіемъ: *Невскій Зритель*, суть слѣдующія :

I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА. Изобразить постепенное образованіе общества, состояніе гражданскаго успройства, просвѣщенія и нравственности у знаменѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ; — изслѣдовавъ важные перевороты, съ объясненіемъ причинъ возвышенія и упадка царствъ; — вопшь главный предметъ сей статьи.

Сверхъ того въ составъ оной войдутъ разсужденія, касающіяся до Государственнаго Хозяйства, и обзорѣніе современныхъ происшествій.

II. ВОСПИТАНІЕ. Издатели оставляютъ по сей части умозрѣнія, основанныя не на опытѣ и невозможныя въ исполненіи; они сдѣлаютъ строгій выборъ изъ сочиненій знаменитыхъ новѣйшихъ Педагоговъ, и предложатъ правила воспитанія, приравленные къ каждому состоянію.

III. ПРАВЫ. Изображеніе человѣка въ различныхъ его отношеніяхъ, оригинальные характеры, любопытныя сцены изъ общественной и частной жизни составятъ предметъ оной статьи.

IV. ЛИТТЕРАТУРА. Сія статья, какъ болѣе занимательная для Публики, обратитъ на себя особенное вниманіе Издателей. — Назначивъ въ

опой преимущественное мѣсто для изящной словесности: — сочиненій опечеспвленныхъ и переводовъ изъ лучшихъ иностранныхъ Авторовъ, въ стихахъ и прозѣ, — они будутъ помѣщать также разсужденія о разныхъ родахъ Литтературы, съ показаніемъ ея успѣховъ у древнихъ и новыхъ просвѣщенныхъ народовъ.

V. КРИТИКА. Предметъ оной снать: показать духъ извѣстныхъ писателей, красоты, опличительныя достоинства и самыя недоснати ихъ сочиненій, не нарушая скромности и безприсрасшія.

VI. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА. Музыка, живопись, ваяніе шѣмъ охопнѣ приняты въ составъ сего журнала, чѣмъ важнѣ ихъ вліяніе на употребленіе нравовъ и вкуса людей. Любители искусствъ найдутъ въ сей снати начертаніе постепеннаго ихъ хода и опличительнаго характера у разныхъ народовъ, жизнь величайшихъ художниковъ, эспешическое сужденіе объ ихъ швореніяхъ, наконецъ разныя мысли и замѣчанія касательно теоріи искусствъ.

VII. СМѢСЬ. Здѣсь предназначено помѣщать разныя мѣлкія сочиненія, не принадлежащія къ составу прочихъ снатей, какъ шо: любопытныя извѣстія, опрывки изъ новѣйшихъ путешесвій, замѣчанія о театрѣ, краткія біографіи, анекдоты, остроумныя мысли и проч.

VIII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. Современныя политическія заграничныя извѣстія: публичныя акты, послановленія, пренія въ Англинскихъ Парламентсахъ и въ Палатѣ Депушатовъ во Франціи и пр:

IX. БЛАГСТВОРЕНІЯ. Увѣдомленія о бѣдныхъ и о сдѣланномъ имъ опъ разныхъ лицъ пособіи.

По изпеченіи каждаго мѣсяца будешъ выходяшь одна книжка, содержащая опъ семи до десяти печатныхъ лисповъ. Три книжки составяшь часпъ, а чешыре часпи годовое изданіе. Каждая часпъ украсишь поршрешомъ славнаго мужа. — Цѣна за годовое изданіе здѣсь въ Санктпетербургѣ придцашь, а съ пересылкою въ другіе города придцашь пять рублей; за полугодовое же двадцашь, а съ пересылкою двадцашь шри рубля.

Подписка принимаешся въ Санктпетербургѣ въ книжныхъ лавкахъ: брашьевъ Слениныхъ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Кусовникова близъ Каполической церкви, Свѣшникава и Глазунова въ Госпиномъ дворѣ и Плавильщикова у Синяго моста. Иногородные благоволяшь адресовашься въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почшамша.

